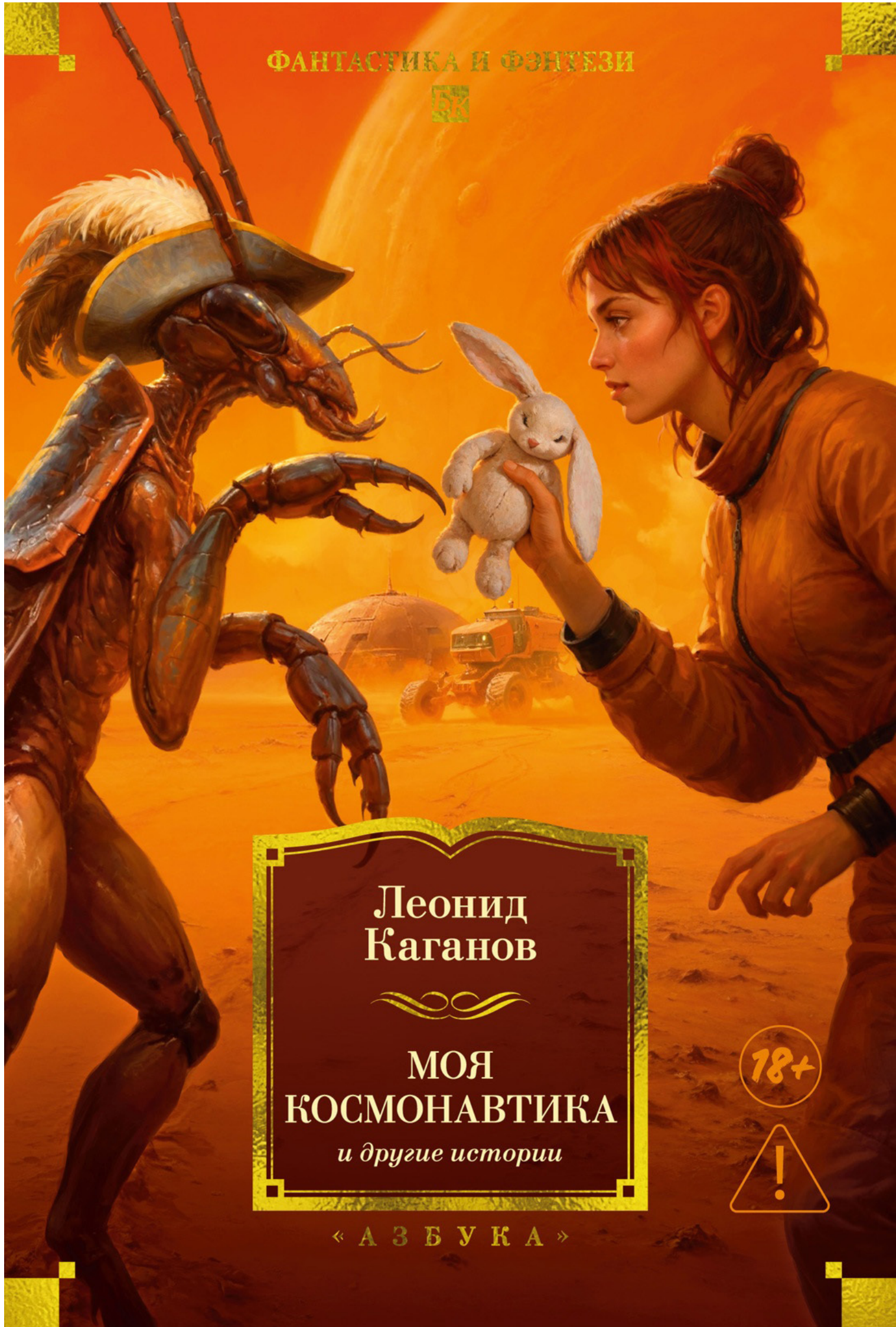

ФАНТАСТИКА И ФЭНТЕЗИ

Леонид
Каганов

МОЯ
КОСМОНАВТИКА

и другие истории

18+

« А З Б У К А »

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Леонид Каганов

**Моя космонавтика
и другие истории**

«Азбука»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-45

Каганов Л. А.

Моя космонавтика и другие истории / Л. А. Каганов — «Азбука»,
2026 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-32820-4

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Леонид Каганов в отечественной фантастике, пожалуй, наиболее переоцененный автор. Два десятка литературных премий, десятков изданий и переводы на иностранные языки на самом деле ни о чем не говорят. А высокая популярность в интернете не оправдывает редкие и скромные бумажные тиражи. Проблема Каганова в том, что он берется расшатывать устоявшиеся законы жанра, мироздания, психологии, физики и морали с неожиданных точек зрения. А это не всегда расслабляющее чтение, несмотря на большие дозы настоящего юмора. Да и герои его произведений не слишком приятные люди и не особенно успешные в жизни роботы, чтобы захотелось им подражать, а не просто увлеченно следить за яркими историями. Но, несмотря на это, Каганова по праву называют мастером короткого рассказа. Поэтому, если выбирать из двух книг – сборник рассказов, который ты держишь в руках, или новый роман «Путь на Шелл», который выйдет только в 2028 году, – конечно, лучше выбрать эту. По крайней мере, она уже перед тобой, и на складе еще осталось несколько экземпляров.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-45

ISBN 978-5-389-32820-4

© Каганов Л. А., 2026

© Азбука, 2026

Содержание

Диалоги рептильного мозга	7
Вера и мед	25
Антимизогинный двигатель	36
Танкетка	48
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Леонид Каганов

Моя космонавтика и другие истории

© Л. А. Каганов, 2026

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Диалоги рептильного мозга

Спасибо Н. Ярошенко

– Не знаю, как начать.

– Ты читай с начала.

– Так я и читаю! Не знаю, как начать. Проклятье, никогда не знаю, как начать роман. Все вздор! Начну как Достоевский: в начале июля, в небывало жаркое время, под вечер, шел герой, только у меня весна. Отличная первая фраза, теперь пойдет легче. Теперь мои герои. Ох, я им всыплю! Ненавижу литераторов. Поэты – конченные бездарности. Редакторы – форменные мерзавцы. А уж критики – ох какую я вам задам трепку, критики!

– Да что ты такое читаешь? – удивился я. – Достоевского?

Она перевернула обложку и уставилась на золотые тисненные буквы.

– Не. Булгаков. «Мастер и Маргарита».

– Не важно, читай.

Она принялась читать дальше. А я стал вспоминать события трех последних безумных дней.

ГЛАВА 1

Дома у Генки

Я думал, так далеко от Москвы окажется старая дача. Но у Генки был трехэтажный особняк – за высоким бетонным забором, с большим гаражом в пристройке, с бассейном на участке и камином на первом этаже. В креслах у камина мы и расположились. У Генки было как в музее: ковры, рога, медвежья шкура и золото по мрамору. Не виделись мы черт знает сколько лет, Генка выглядел хмурым и постаревшим – у него появилась отчетливая лысина и брюхо. Хотя у кого оно не появилось.

– Я на машине, мне нельзя, – напомнил я, когда он открыл створку бара и выбрал бутылку вина.

– Отставить разговорчики, Леша. Переночуешь у меня, утром поедешь. Поедешь за моей машиной, провезу через все пробки с мигалкой, мне к девяти на Балаклавку.

– Каршеринг же. Ночь держать дорого, а аренду в этом месте не завершить.

– Каршеринг? – переспросил Генка. – Дорого?

Он налил мне сока, а себе открыл вино. Вскоре сверху спустилась женщина в эффектной платье – белом с золотыми линиями. Словно в камуфляже под интерьер этого зала. Похоже, специально переодевалась для гостей.

– Лизавета, – представил Генка, приобняв ее за талию. – А это Лешка Парамонов, одноклассник мой.

– Вы даже похожи! – удивилась Лизавета. – Если постричь.

– Нас и учителя путали, – усмехнулся Генка. – Парамонов за меня информатику сдавал.

– ЕГЭ? – удивилась Лизавета.

– ЕГЭ, зайка, тогда еще не придумали.

– Льстишь, – хмыкнула Лизавета, выпила с нами бокал, нежно чмокнула Генку в лысину и отправилась наверх, пожелав нам спокойной ночи.

– Как твоя работа? – спросил я.

- У тебя работа. У меня служба, – отмахнулся Генка.
- Ты же следователь?
- Да никогда не был, сколько повторять! Другая структура.
- Ты, наверно, уже полковник какой-нибудь?
- Обещали. Да что-то я боюсь...
- Полковника?
- Проблем. Проблемы я чувствую. Профессия у меня такая.
- Расскажи!
- Не положено.

Он ушел в свои мысли. Я молчал.

- Ладно, чо приехал-то? – очнулся Генка.

– Повидать друга.

– В нашем возрасте повидать друзей не приезжают. Либо по делам – либо на похороны.

– По делам, – сознался я.

– Внимательно слушаю.

И я стал рассказывать – про себя, про Дашу, про ее Настюшу, про клинику в Дрездене, про кредитный отдел банка... Генка не перебивал. Он глядел в камин, время от времени бросал на меня цепкий взгляд, но думал все равно о чем-то своем.

– Денег просить приехал? – перебил он наконец.

– Да, – выдохнул я. – Представляешь, мне не одобрили кредит ни в одном банке! А одолжить не у кого. И я подумал, вдруг ты...

– Сколько?

– Двадцать тысяч долларов. Стоимость лечения. Обычно сто, но из-за срочности мне делают огромную скидку! Ну и билеты в Германию.

– Как отдавать будешь?

– Генка, я все продумал! Каждый месяц с основной зарплаты я буду отчислять...

– Сколько лет будешь?

– Я думаю... Я уверен, за три года все верну!

Генка долил в бокал остатки вина, поставил бутылку под стол и принялся так недоверчиво смотреть сквозь бокал на огонь камина, словно камин был ненастоящий.

– Ну показывай документы, что там у тебя... – проворчал он.

– Напишу все расписки! – уверил я. – Заверим у нотариуса!

– Я про договор с клиникой. Покажи мне его.

– Она же немецкая, – растерялся я. – Какой договор? Я с врачом общался.

– Ты наконец выучил какой-то язык?

– Это наш, русский врач. Он посредник, дает направление.

– Жулик, что ли?

– Сам ты жулик! – обиделся я и встал, уже понимая, что зря сюда приехал.

– Сядь! – тихо приказал Генка.

Я сел.

– Давай называть вещи своими именами.

– Давай.

– Тебя окрутила баба с прицепом, а прицеп бракованный.

– Да мы встречаемся уже три года! Мы любим друг друга!

– Сядь, я сказал! Баба красивая, толковая?

– Очень!

– Но нет дураков, кроме тебя, замуж ее взять.

– Да нахрен ей замуж! – возмутился я. – Мы же не в прошлом веке живем, замуж! Да если она просто напишет в соцсетях, что ищет компанию попить кофе, пол-Москвы ломанется с ней встречаться! Но она любит меня! А я – ее! Понимаешь?

– Да кто с ней будет встречаться, у нее же дочка с синдромом Дауна.

– Клеймера! Синдром Клеймера, форма аутизма! С рождения. Какого Дауна? Она книги читает! Справочники! В девять лет!

– Так ты же сказал, она в школу не ходит и разговаривать не умеет?

Зря я это ему сказал.

– В первый класс пошла с этого года. В обычную школу. Дважды в неделю пока ходит, осваивается. Разговаривать умеет. Но так...

– Как?

– Ну так... Говоришь ей: сколько времени на часах, сообразить можешь? Молчит, смотрит в пол. Говоришь: ну ладно, ну хоть первая цифра как называется? А она заплачет и убегает. Но цифры знает.

– Муж-то их бросил, – подытожил Генка, – мать с ней с трудом справляется. И ты живешь отдельно, потому что жить с ними не можешь.

– Не могу, – сознался я. – Нереально жить, когда рядом такое каждый день... Сейчас Даша впервые уехала на три недели. И я поклялся пожить это время с Настюшей, кормить, в школу водить... Но реально не могу! Прямо бесит! Она же меня не слышит, ничего не понимает! А начинаешь ей объяснять – плачет, убегает или хамит. Я после работы заезжаю туда на час, еды привезу в коробочках – и уезжаю к себе, в берлогу, на другой край города. Просто физически не могу в одном помещении с ней находиться. И она меня тоже терпеть не может, я же вижу. Но что мне делать? У меня же ни подготовки, ничего! Я ж не врач, не педагог, не сиделка! У меня своя работа, своя нагрузка, я не вывожу еще и это! У меня психических ресурсов не хватает! Я не железный!

– Что ты передо мной оправдываешься.

– Я не перед тобой. Я перед собой.

– Ну скажи себе: я не санитар в дурдоме. Найми санитаря, как нормальные люди.

– Санитаря... А Даше я что скажу? Что наши жизни не интегрируются? Вот тебе санитар, живи вместо меня с санитаром? Вот как мне быть? Я с Настюшей не могу, и без Даши не могу, хоть вешайся! Знаешь, сколько я в интернете прочел про этот Клеймер, сколько медицинских сайтов обнюхал! Никто не знает, как лечить! И вдруг я нашел врача, который знает! Он сказал, точно лечат в Германии! Но операция будет стоить...

– Не дам я тебе денег. Ты дурак, Леша. И проблемы твои дурацкие. Деньги тебе не помогут. Таким, как ты, нельзя давать деньги.

Я пошел к двери, а Генка все смотрел в свой камин. Похоже, камин был и правда ненастоящий.

– Стоп! – сказал Генка, когда я уже надел ботинки.

Он вдруг открыл шкаф и достал темно-синий пиджак, ностальгически смахивавший на нашу школьную форму, только пуговицы здесь были золотые.

– А ну-ка примерь!

– Ты издеваешься?

– Примерь, я сказал.

Я влез в пиджак – он оказался ровно моего размера. Генка удовлетворенно кивнул и бросил мне в руки штаны, рубашку и галстук. А сам ушел наверх и минут через пять вынес коробку ботинок. Он вручил ее мне, я вытряхнул ее на пол, но вместо ботинок высыпалась кучка долларов.

– Двадцать, я ровно отсчитал, не пересчитывай, – сказал Генка. – Ты, Леша, в нужное время попал.

Я с изумлением смотрел на него.

– Сейчас мы тебя пострижем, – сказал он, – и завтра поедешь в институт на Балаклавке. Я там еще никогда не был. Скажешь, в отдел Сергея Лавровича Щукина. Тебе сделают процедуру, исследование. Только не снимай с лица медицинскую маску. Все. А дальше к ним буду ездить я сам. На проходной покажешь это.

Генка протянул мне гербовую бумагу, похожую на школьную грамоту. В центре был крупно распечатан кьюар-код. Прямо на нем стояла печать с гербом и размашистая подпись. Сверху значилось «Самохин Геннадий Иванович», а в заголовке золотыми буквами было напечатано загадочное «ГУПФСБ УСБ ТСП/ИП УДП».

– Что такое УСБ? – спросил я.

Генка посмотрел на меня с сожалением.

– Управление собственной безопасности.

– А что такое УДП?

– Управление делами президента. Никогда не задавай таких вопросов. Понял?

– Да.

– Не да, а так точно. Так точно – или никак нет. Веди себя гордо, спину выпрями. Говори мало, слушай много. Всех называй вежливо по имени-отчеству. Но таким тоном, будто мысленно добавляешь «сука ты такая». У нас так принято. Понял?

– Так точно.

– Вопросы есть?

– А чего ты сам не едешь? – Я сел на корточки и принялся собирать доллары в коробку.

– Я боюсь. А ты не бойся. Мое ведомство не посылает своих майоров туда, где опасно. Но мне нахер не нужны эксперименты на мозге. А у тебя, Леша, мозга нет, тебе нужны деньги. Если все сделаешь правильно, деньги можешь не возвращать. Хотя... Или ладно, я еще подумаю. Все понятно?

– Так точно, Геннадий Иванович, сука ты такая...

– Во! – обрадовался Генка и хлопнул меня по плечу. – И спину держи прямо – ты больше не информатик, ты майор! Коробку отдай мне пока. Заедешь за ней послезавтра, пусть мотивирует.

ГЛАВА 2

На улице Балаклавке

В метро по дороге на Балаклавку я гуглил Сергея Лавровича Щукина, но нашел только одну лекцию на ютубе, загруженную пятнадцать лет назад. Молодой преподаватель с курчавыми волосами читал в обшарпанной аудитории курс студентам, сидевшим где-то за кадром.

«Маклиновская концепция, – говорил он буднично, – выделяет рептильный мозг, лимбический и неокортекс. Это три этажа, которые природа миллионы лет достраивала один над другим. Чтоб вы понимали, конструктор изобрел велосипед. Потом добавил мотор – и получился мотоцикл. Потом добавил еще колес, крышу над головой, магнитолу – получился автомобиль. Но колеса и мотор никуда не делись. Древний мозг хорошо работал у рептилий: в нем все инстинкты, необходимые для выживания. У человека он тоже продолжает работать, но передает сигналы на верхний этаж. В рамках нашего курса нас интересуют даже не рефлексy, а речь. Принцип здесь тот же: речь человека возникла не в один день. У рептильного мозга тоже был свой язык: лягушки квакают... Что вы сказали? – Лектор уставился куда-то поверх камеры. – Да, не рептилии, земноводные, но рептильный мозг такой же. Лягушки квакают. Что это значит – ква? Это может быть крик боли, предупреждение об опасности, приглашение к

спариванию – но это уже язык, обмен информацией. Дальше эволюция языка надстраивалась на этом движке. Когда собака издает звуки, она выражает боль, радость, преданность, угрозу – у нее уже не рептильный, а более сложный лимбический язык. И когда наши пещерные предки учились говорить, их первые слова выражали самые простые мысли и чувства. Примитивные, но честные. Собака не умеет хитрить в языке. Она может хитрить в поведении – притворяться атакующей. Но даже в игре собака не сможет изобразить звук реальной атаки или боли. Все метафоры и маскировки смыслов – это наша надстройка неокортекса. Пещерные люди не могли сказать: „Я вас услышал“ – в нашем современном смысле. Рептильный мозг сообщает: „Мне неприятно“. Лимбический добавляет: „Неприятно, отвали от меня“. А неокортекс расширяет смысл: „Мне неприятно, отвали, я тебя слушал некоторое время, и это максимум, чего ты заслуживаешь“. Но вместо этого мозг произносит: „Я тебя услышал“. А мы безошибочно считываем „отвали“, понимая, что это и есть цель высказывания. Но даже самый совершенный компьютер в мире – мозг собеседника – не всегда способен услышать цель высказывания. Тем более что неокортекс часто считает ее неприемлемой и прячет даже от самого себя. Чтоб вы понимали, – лектор сделал многозначительную паузу, – если бы мне удалось отключить речевые зоны от неокортекса и подключить их напрямую к глубинному мозгу, я бы оказался в мире первобытных людей и слышал не то, что мне сказал ваш неокортекс, а то, что хотел сказать лимбический мозг, а если повезет – то даже рептильный. Я бы слышал напрямую цель высказывания: те эмоции, тот запускающий импульс, который заставил ваше тело открыть рот и напрячь гортань, чтобы издать какие-то звуки, не нужные ни для чего другого...»

Институт на Балаклавке оказался не учебным, как я почему-то решил. Пятиэтажное бетонное здание с редкими окнами напоминало телефонную станцию советских времен, окруженную высоченным забором с многослойной колючей проволокой. В будке у ворот меня остановил дежурный, спросил, по какому я делу, и пропустил к крыльцу. За дверьми на рамке детектора охрана полистала паспорт и пустила к отделу пропусков, где за стеклом сидел военный с таким же цепким взглядом, как у Генки. Он долго листал Генкин паспорт взад-вперед, словно надеялся увидеть важную зацепку на пустых страницах. Потом долго рассматривал бумагу с кьюар-кодом, переводя взгляд с него на мое лицо, будто сверяя. Маску снять он, впрочем, не попросил. Я чувствовал, как по голове и шее ползут вниз ледяные струйки пота, хотя, наверно, это просто сквозняк гулял по непривычно выбритому затылку.

– Проходите, Геннадий Иванович, – сказал наконец военный, протягивая мои документы, а также зеленую пластиковую карту. – Пропуск на выходе вернете мне.

На турникетах проверили документы в последний раз и велели ждать. Кьюар-код так никто и не читал.

Вскоре за мной поднялся сам Щукин – я сразу узнал его по кучерявой шевелюре, хотя она теперь была пострижена, сам он сильно раздался в теле, а лицо растолстело и обвисло.

– Следуйте за мной, Геннадий Иванович, – сказал он и повел меня на подвальный этаж. – Вы завтракали?

– Никак нет. Чай пил.

– Ну я же говорил вашим: не завтракать.

Мы пришли в странную комнату – она напоминала балетный репетиционный зал у Даши в театре, только вместо зеркала во всю стену тянулось зеркальное стекло. За стеклом была другая комната. В ней на железном стуле сидел свирепого вида восточный человек – его лицо до середины заросло черной бородой, он был голый по пояс, в лиловых царапинах, а его руки и ноги были пристегнуты наручниками к стулу. За его спиной стояли двое плечистых парней в камуфляже, а третий сидел перед ним в кресле. В нашу сторону они не смотрели. Звук шел не через стекло, а из плоского динамика рядом.

– Кто тебе передал капсули? – сухо спрашивали бородача.

– Мне страшно, – отвечал бородач густым голосом почти без акцента. – Я не сломаюсь.

– Где ты взял капсюли?

– Вы проклятые шакалы. Мои братья отомстят.

Один из стоявших с силой воткнул бородачу под мышку черную рукоятку. Раздался электрический треск, бородач скрючился от боли и застонал.

– Кто дал тебе капсюли? – спокойно повторил сидящий перед ним.

– Мне больно, – произнес бородач с багровым лицом, пытаясь вдохнуть. – Я боюсь... – Он снова попытался сделать вдох, покрутил головой и посмотрел, казалось, прямо на меня. – Я боюсь, что Аллаха не существует.

Я так и стоял с открытым ртом. Шукин задернул плотную занавеску на стекле и выключил динамик.

– Вот как вам это, Геннадий Иванович? – спросил он с вызовом. – Я вам специально решил показать.

Я молчал.

– Можете разговаривать, оттуда нас не видно и не слышно. Там идет своя работа, у нас своя.

Я молчал.

– Чтоб вы понимали, – сказал Шукин с заметным раздражением. – Это совсем не детектор лжи, как думают у вас в управлении. Теперь вы убедились?

Я кивнул.

– Из вас не будет суперследователя, Геннадий Иванович. Вы будете слышать только такое. – Он указал глазами на занавеску, за которой снова двигались тени.

Я молчал.

– Вы понимаете, что ваше управление хочет отчитаться об экспериментах и выбрало кого не жалко: вдруг будет толк? Но я вам говорю: это не то, что вам обещали. Вы не станете телепатом и не научитесь читать мысли подозреваемых. Мне надо, чтоб вы хорошо это понимали прежде, чем мы начнем. Вы понимаете?

– Так точно, – вспомнил я наконец нужные слова.

– Ну садитесь, надевайте. – Шукин махнул рукой, и теперь я заметил в углу кресло, похожее на стоматологическое, а на нем лежал шлем, смахивавший на мотоциклетный. – Ну что стоите? Надевайте. Процедура займет час.

– А что за процедура? – спросил я.

– Вы что, не подписали секретный допуск и не читали материал? – удивился Шукин. – Мы будем перешивать вашу нейросеть. Введем в артерию раствор магнитоcondенсата, он безвредный, и направленными импульсами сконденсируем в нужных местах электрошунты. Чтобы вы понимали – компьютер прошьет в вашем мозгу полмиллиона связей новой нейросетки.

– Можно маску с лица не снимать?

– Можно.

Все прошло на удивление легко: я чувствовал только легкое покалывание.

– Ну вот и все, – сказал Шукин, снимая с меня шлем и разглядывая пестрые графики на своем дисплее. – Девяносто семь процентов прошивки, очень хороший результат. Голова не кружится?

– Никак нет, – ответил я. – Немного.

– Пройдет, – уверил Шукин. – В смысле, голова. Нейросеть не пройдет никогда, скоро она включится в работу, привыкайте. Жду вас с завтрашнего дня на тесты.

Вскоре я уже сдавал пластиковую карту в бюро пропусков на первом этаже.

– Можете идти, Геннадий Иванович, – процедил военный.

И в этот раз мне явно почудилось, что он добавил одними губами: «Сука ты такая».

Я написал сообщение Генке «все норм» и поехал на работу.

ГЛАВА 3

На работе

В офисе моего опоздания никто не заметил, заметили только новую стрижку, но я лишь загадочно улыбался на вопросы. Прошел к своему месту, включил компьютер и сел разбирать накопившиеся за утро тикеты, пока не началась дневная летучка. Летучка выглядела буднично.

Во главе стола в переговорке сел начальник нашего отдела – молодой харизматичный Марк Константинович. Он задумчиво листал свой айфон, улыбаясь чему-то.

Как обычно, справа от него разместился Осипов – толстый руководитель отдела безопасности, хотя я никогда не понимал, зачем он на дневных летучках.

Инна Васильевна из финансового распахнула папку и бережно, словно пасьянс, раскладывала перед собой листы с таблицами, украшенные в разных местах цветными закладками-липучками. Затем достала пудреницу и принялась оглядывать себя в зеркальце, словно попугайчик, поворачиваясь то одним глазом, то другим.

Розовощекий Хомяков бодро стирал с магнитной доски прямоугольнички чьей-то прошлой летучки. Хомяков работал уже месяц на испытательном сроке, а на летучки напросился ходить, чтобы войти в курс дела.

Сумская Аннушка сидела с раскрытым ноутбуком, задрав ногу на ногу, и весело всех оглядывала, но при этом еще что-то набирала в ноутбуке.

Мартемьянов пришел позже всех и сел подальше от Марка Константиновича, сегодня он был как-то особенно взволнован.

И только я чувствовал себя совершенно безмятежно: все страхи и волнения словно испарились, никаких симптомов после дурацкого сидения в шлеме я не чувствовал, даже шея в месте укола не болела. Получалось, я вышел целым из всех дурацких историй, унес ноги из страшного здания на Балаклавке и завтра получу деньги на операцию для Настюши, черт бы ее побрал.

Дневная летучка обычно шла полчаса, и всегда по одному сценарию. Сейчас Марк Константинович отложит телефон, встанет и скажет: «Ну что, все в сборе? Начнем...» И дальше: «Инна Васильевна, есть у нас показатели?» А они у нее всегда есть. Она выйдет к доске и будет рисовать график, а Сумская начнет задавать уточняющие вопросы. Затем дадут слово Мартемьянову. Его, скорее всего, опять поругают за задержки сроков, но он будет давать подробные комментарии. Мартемьянова ценят, потому что его группа тянет на себе всю разработку и в итоге, конечно, все сделает. До Мартемьянова у нас работал Васильчуков, еще раньше Азян, но Марк Константинович их совсем загонял – они выгорели и уволились. А Мартемьянов ничего, держится. Потом дойдет до Сумской, это медийная группа. И это будет весело: Сумская всегда острит, улыбается, рассказывает байки про клиентов – в общем, оживит нашу скучную летучку. Безопаснику Осипову говорить не о чем, но время от времени Марк Константинович будет к нему обращаться. Стажера Хомякова спрашивать не будут, но он сам поучаствует в дискуссии. Наконец дойдет очередь до меня. Я перечислю, сколько тикетов с вопросами закрыл, добавлю, что по нашим серверам проблем не было, и перечислю, сколько суток они работают без перезагрузки – это почему-то всегда производит впечатление. Потом Марк Константинович выступит с мотивационной речью и закроет летучку, пожелав всем удачного дня.

– Ну что? – Марк Константинович отложил свой айфон и встал, оглядывая присутствующих. – Я офигенный, – неожиданно сказал он, поправляя галстук. – Я лучше вас в сто раз. У меня вообще все зашибись! Как вы мне надоели. – Он улыбнулся и приглашающе указал ладонью на Инну Васильевну.

Та совершенно не смутилась.

– Я, – она со значением оглядела всех поверх очков, собрала свои таблицы в стопку и направилась к доске, – не старая. Я не старая! – убежденно повторила она, поднимая маркер и начиная рисовать график. – Совсем еще не старая.

Она повторяла это на разные лады, а присутствующие задумчиво кивали.

– А как же я? – вдруг воскликнула Сумская. – А как же я?

– Я не старая! – возразила Инна Васильевна, не оборачиваясь, и постучала маркером по верхнему колену графика. – Я не старая, – повторила она и для убедительности обвела вершину кружком.

– Я полезный! – вдруг сказал Хомяков, по-школьному подняв руку. – Я нужный!

– Это не я! – убежденно возразил Мартемьянов. – Все другие виноваты!

Марк Константинович призывно похлопал в ладоши, и наступила тишина.

– Я просто офигенный, – сказал Марк Константинович и повернулся к Осипову.

Тот встал.

– У меня есть член, – чеканя каждое слово, произнес Осипов и сел.

– А как же я? – закричала Сумская. – Посмотрите все на меня!

– Я не старая!

– Я полезный! И не глупый!

– Это не я! Это всё другие! – возразил Мартемьянов.

– У меня, – снова поднялся Осипов, – есть довольно еще большой член. И довольно часто он работает почти беспроблемно.

– Я нужен! – снова поднял руку Хомяков. – Я приношу много пользы!

– А как же я? – надрывалась Сумская. – Обратите внимание на меня!

– Я вообще офигенный! – Марк Константинович развернулся на своем кресле так, что скрипнули колесики. Он кивнул на график и сделал пальцами рук движение, будто ставил в воздухе кавычки.

Я с ужасом заметил, что его губы продолжают шевелиться, хотя голоса я не слышал.

– Сегодня я просто офигенный, – наконец послышался его голос. – Очень крут, – доверительно закончил он.

– Я не старая! – разок повторила Инна Васильевна, хотя губы ее продолжали и продолжали шевелиться, а красный маркер порхал вдоль графика, соединяя точки стрелками и подписывая над ними цифры.

– Это дру-ги-е! – отчетливо возразил Мартемьянов. – Я не виноват.

– Я не глупый! – возразил ему Хомяков.

– Все внимание на меня! – сказала Сумская и предъявила экран ноутбука: там у нее был запущен калькулятор и светилась крупная цифра.

– Я, – с вызовом ответила Инна Васильевна, – еще не такая старая!

Она обвела число у вершины графика и вернулась на место.

– У меня есть член, – доверительно шепнул Осипов. – Я хочу играть в танки.

Марк Константинович понимающе кивнул, и Осипов покинул переговоры.

– Ну не офигенный ли я? – спросил Марк Константинович, и все почему-то сразу посмотрели на Мартемьянова.

– Я вообще ни при чем! – заявил тот. – Это другие виноваты!

И тут он вдруг указал пальцем на меня.

Я молчал, не зная, что делать.

– Я на три головы круче вас всех, – напомнил Марк Константинович, глянув прямо мне в глаза. – Я офигенный?

– Да, – выдавил я.

Наступила гнетущая тишина.

– У меня, – строго поправил Марк Константинович, – очень важная должность. И у меня офигенная тачка. Вы же видели мою тачку. Я настоящий профессионал. А вы все – нет.

Он недоуменно поднял брови и теперь смотрел только на меня, явно ожидая ответа.

– А как же я? – вскинулась Сумская, но Марк Константинович, не поворачиваясь, погрозил ей указательным пальцем, и она умолкла.

Он смотрел на меня и ждал чего-то – назойливый, дотошный, приставучий.

Все ждали.

– Наши сервера... – Я решил зайти с козырей. – Работают без перезагрузок и сбоев уже 6840 часов. Это девять с половиной месяцев.

Инна Васильевна со стуком уронила пудреницу. Хомяков открыл рот, а глаза его засияли неподдельным гибельным восторгом. Мартемьянов закрыл лицо папкой, а Сумская округлила глаза, сжала ладонями виски и с ужасом задвинула пальцы глубоко в белые кудряшки.

Марк Константинович переживал сложные эмоции: сперва его лицо побагровело, а кулаки сжались. Затем он непонимающе развел руками и надул щеки. Оглядел всех присутствующих и с шумом выпустил воздух.

– Это не я! – заволновался Мартемьянов. – Вы сами слышали! Это все он, а я не виноват!

– Но еще я закрыл сегодня семь тикетов! – добавил я с отчаянием.

И тут вдруг Сумская захохотала. Вслед за ней заржал Хомяков, робко захихикал Мартемьянов, звонко закудахтала Инна Васильевна и, наконец, забулькал сам Марк Константинович. Продолжая булькать, он подошел ко мне, дружески хлопнул по спине и вышел.

И все тоже стали расходиться.

Лишь на прощание Инна Васильевна обернулась и очень игриво погрозила мне пальчиком.

Что они слышали от меня в тот день на планерке – я так никогда и не узнал. Но это уже было и не важно, потому что проблемы только начинались.

* * *

Выяснилось, что теперь я совершенно не понимал того, что мне говорят. И точно так же не понимали и меня.

Наш офисный уборщик Анзур, встретив меня в коридоре, как всегда, приветливо улыбнулся, но вместо приветствия сказал «у тебя некрасивое лицо». От Анзура это было слышать совсем нелепо – кто видел Анзура, поймет.

В столовой за мой столик подсел Яков Васильевич из транспортного и, пока мы ели, объяснял, что мы все богатые и здоровые, а у него и здоровье не то, и деньги не те. К счастью, моих ответов он не требовал – задавал вопросы и сам на них отвечал, а в конце поблагодарил за приятную беседу.

Телефонного собеседника я не понимал точно так же. Мне раздался звонок с неизвестного номера.

– Здравствуйте! Уделите пару минут, чтобы я вас как следует обманул?

Я сбросил звонок, больше он не перезванивал.

Удивила наша курьер Жанна – юная и очень застенчивая толстушка с малиновыми волосами, вся покрытая пирсингом и цветными татуировками. Говорила она не со мной, а с Пашей Костромским, который сидит от меня за перегородкой. Я не видел их, доносились только голоса.

– Я тебя хочу, – буднично говорила Жанна. – Хочу тебя, понимаешь?

– Слушай, катись отсюда? – отвечал Костромской, прежде славившийся в нашем офисе феноменальной вежливостью и аристократическими манерами. – Разберись сама, дуреха, это твоя работа.

– Я тебя хочу, – повторяла Жанна. – У тебя плохо пахнет изо рта, но я все равно хочу только тебя.

подавив накатывающийся страх, я решил выяснить, насколько теперь понимаю письменную речь. Надел наушники, чтоб не мешали звуки офиса, и углубился в свою старую переписку. Она почти не изменилась. Мне слали вопросы по корпоративному сайту, просили что-то доделать, и отвечал я тоже вроде здраво – и сегодня, и все прошлые дни. Я решил, что с печатным текстом работать могу как прежде, но вдруг заметил в конце своего старого ответа логистам фразу «и хватит заваливать меня херней, бездельники сраные». Такой фразы быть не могло. Впрочем, логист спокойно ответил на это «спасибо, Алексей, вы очень помогли». Похоже, фраза чудилась лишь мне и лишь теперь.

Тут я вдруг обратил внимание на музыку в наушниках. Мелодия была до боли знакомой, а вот текст... «Я себе нравлюсь! – доверительно сообщал певец знакомым голосом, хотя я никак не мог вспомнить имя. – Я и вам тоже должен нравиться! Я точно знаю, что все любят слушать! Слушайте меня и несите мне свои деньги!»

Постепенно я нащупал принцип. Если разговор был строго по делу, то я его слышал без изменений. Но если собеседника переполняли посторонние эмоции или сам разговор был ему не важен – вот тут я слышал совсем другое.

Позвонила Анжелика из бухгалтерии: «Леша, спасай, сломался принтер!» И все оказалось именно так. Только не сломался, а кто-то ногой выдернул шнур. Как там он говорил на ютубе? Цель высказывания?

Совсем иначе выглядело, когда важной цели не было или она была завалена горой лишних слов и обстоятельств. По корпоративной почте упало письмо от Гаврилюка из третьего отдела: «Ты мне нахрен не нужен, но Акимова про тебя спрашивает, хочет посмотреть твою новую стрижку». Я совершенно не понял смысла. Но позже ко мне поднялась Акимова, вручила ломтик торта на пластиковом блюде и спросила, почему я не зашел к Гаврилюку, у него же день рождения и торт, и он меня приглашал. Я честно ответил: письмо получил, но прочесть не смог.

– Зря ты так про него думаешь, – возразила Акимова вполне искренне, хотя и не вполне в ответ на мою фразу, – Гаврилюк вообще никого не любит, он и праздновать не хотел, торт мы ему купили. А тебя он уважает, мог бы и поздравить.

Ее слова звучали так естественно, что я придвинул к ней клавиатуру:

– Помоги его правильно поздравить от моего имени.

Акимова охотно села за клавиатуру и набрала: «Гаврилюк, ты сорокалетнее говно и нытик, но мы тебя любим!»

– Ты уверена, что это хорошее поздравление с днем рождения? – усомнился я.

– Каждому приятно! – ответила Акимова убежденно, хотя снова не совсем на мой вопрос. И отправила сообщение.

Чуть позже от Гаврилюка пришло «спасибо, Алексей!!!» с тремя восклицательными знаками.

Думаю, разговор с Акимовой вышел почти нормальным потому, что она у нас считалась самой конкретной и прямолинейной сотрудницей. Но оказалось, что это был мой первый и последний нормальный разговор после Балаклавки. Вскоре пришел Марк Константинович и привел смутно знакомого белоглазого дядьку в костюме. Он выглядел так раздраженно, словно опаздывал по делам, но вышел не на той остановке.

– Я очень крут, – затынул Марк Константинович свою песню, обращаясь, впрочем, не ко мне, а к белоглазому. – У меня офигенный отдел!

Белоглазый вынул свой телефон, перевернул торцом и сунул мне.

– Слышь, ты, головастик, – сказал он. – Пошевелись уже?

Я вопросительно посмотрел на Марка Константиновича.

– Я очень крут, – на всякий случай шепнул тот белоглазому и ободряюще похлопал меня по плечу.

– Придурок, что ли? – не выдержал белоглазый и поковырял ногтем разъем телефона. Ноготь у него был такой же неприятный, как и он сам, – ухоженный, но тупой и блеклый.
– Вам зарядный шнурок нужен? – догадался я.

И хоть я старался произнести это самым доверительным тоном, фраза произвела шокирующее впечатление. Белоглазый позеленел, вырвал телефон из моих рук и зашагал к выходу. Марк Константинович сперва метнулся за ним, потом повернулся ко мне и погрозил кулаком, и снова убежал за белоглазым. И тут я вспомнил, где я его видел, – на прошлом корпоративе белоглазый сидел за столиком акционеров, а потом очень плохо пел караоке, но все ему истошно хлопали.

Я поехал домой. Уже в метро мне брякнулось сообщение от Марка Константиновича – длиннющее, абсурдное, бессвязное, полное гнева, самовосхваления и проклятий. Но я догадался скопировать его в переводчик *Google*, перевел на японский, и там оказалась всего одна строчка из пары десятков загадочных иероглифов. Я перевел их снова на русский и прочел лаконичное: «После того что произойдет, мы не сможем трудиться. Напишите заявление о свободной воле». Смысл был вполне понятен.

К вечеру Даша прислала несколько сообщений в мессенджер, но читать я их боялся, а отвечать – тем более. Я порылся в нашей старой переписке и выбрал несколько своих сообщений, что сейчас казались мне самыми понятными: «я тебя люблю», «скучаю», «все норм, как ты?» – и решил посылать их ей каждый день в случайном порядке. А дальше будет видно.

Жизнь рушилась по всем фронтам. И я вдруг понял, что завтра во что бы то ни стало обязательно с самого утра поеду на Балаклавку – даже не к девяти, к семи. Я еще не понимал, что буду там делать: просить вернуть все как было, спрашивать совета, как жить дальше, или что вообще? Но спасти от проблем могла теперь только Балаклавка. Я ошибался.

ГЛАВА 4

Перед лицом смерти

К семи на Балаклавку я не приехал – проспал. Примчался туда лишь к десяти. Проблемы теперь окружали со всех сторон – я даже в автобусе умудрился получить по морде. Налегая на двери, у выхода дремал неопрятного вида мужик, разящий перегаром, а я всего лишь спросил, собирается ли он выходить на следующей. Мои слова произвели шокирующее впечатление: он разом проснулся, глаза его налились кровью, и он ударил меня в лицо, чуть сам не упав. Было не больно, но обидно. Я тоже его ударил в ответ, но нас разняли.

Над Балаклавкой стоял странный запах горящего торфяника. Улица перед зданием была забита пожарными машинами и каретами скорой помощи, но больше всего было полицейских машин – штук шесть и фургон.

– Что здесь происходит? – спросил я у полицейского.
– Нет, тебе нельзя! – ответил он.

Но я уже сам все увидел. Железных ворот не было – они валялись на земле. Будки проходной тоже не было – ее словно срубило вместе с воротами. На крыльце стояло что-то вроде нижней части грузовика: обугленная рама и останки колес. Больше ничего от грузовика не было. А вот дальше, за крыльцом, ничего не было вообще: огромная, в два этажа черная пещера, откуда густо валил дым и вырывались языки пламени – словно здание превратилось в исполинский камин. Вокруг суетились пожарные.

– Пошел вон! – сказал мне полицейский. – Не смей разглядывать!

И он указал рукой туда, где на почтительном расстоянии толпились зеваки. Я подошел к ним. Почти все они снимали видео.

– Я такое очень люблю! – доверительно сообщил мне пожилой господин в кепке, он один стоял без смартфона. – Обычно мне это показывают по телевизору, а тут своими глазами. Вот как мне повезло!

– Я очень боюсь за своего ребенка, сюда может что-то упасть, – жаловалась ему девушка с детской коляской, продолжая снимать. – Но уйти не могу, вдруг трупы понесут?

– Хочу, чтобы меня показали по телевизору, – сообщил ей господин в кепке.

– Вы все не слышали взрыва, я одна все слышала! – взволнованно говорила им стройная девушка. Она зябко переминалась с ноги на ногу в домашних тапочках и халате, стараясь при этом, чтобы телефон в вытянутой руке не качался. Она то кивала на жилую высотку за нашими спинами, где почти не осталось целых стекол, то вперед на черную раму грузовика. – Вы все не разбираетесь в террористах, я одна в террористах разбираюсь! – обиженно говорила она. – Ах, как плохо все случилось: знать бы заранее, что едет «Газель» со взрывчаткой, я бы всю ночь тут дежурила и сняла момент, как она прорывается и бабахает! Заработала бы миллионы просмотров, все бы меня полюбили и похвалили!

– Падают, падает! – вдруг оживилась группа подростков, поднимая телефоны повыше.

Где-то внутри исполинского камина сверху откололась здоровенная плита перекрытия и теперь опускалась в топку, словно в замедленной съемке. Земля под ногами дрогнула, раздался гул, и от здания во все стороны повалили столбы пыли.

– Боюсь за ребенка, – повторила женщина и решительно покатила коляску прочь.

– Хочу, чтобы оно рухнуло совсем! – пожаловалась девочка-подросток, ни к кому не обращаясь. – Стою и жду, надеюсь. Там люди гибнут, их надо жалеть, но мне их ни капельки не жалко. Ведь я и мои друзья в безопасности. А незнакомых людей и так слишком много.

– Пожарные делают все неправильно, – возразил паренек ее возраста. – Я очень крутой эксперт по пожарам и пожарным машинам.

– Нельзя разглядывать и снимать! – закричал издали полицейский и шагнул к нам, на ходу вскидывая руку, словно пытаясь загородить всем камеры, но выглядело это как фашистское приветствие. – Мне нельзя, чтоб вы разглядывали и снимали!

* * *

Вернувшись домой, я просто упал спать: организм словно выключился от всего пережитого. Разбудил меня телефонный звонок.

– Парамонов? – раздалось в трубке. – Это Галина, одноклассница, меня распирает от новостей!

– Галка? – удивился я. – Староста?

– Ты тоже не молодеешь, тебе тоже тридцать семь, – сердито ответила она. – Не перебивай и не мешай мне наслаждаться моментом! Ты помнишь Гену Самохина?

– Так точно, – растерялся я.

– Погиб сегодня! – Она выдержала паузу. – Дом рухнул на юге Москвы! Ну как тебе?! Не ждал такого?! Но не бойся, нам переживать не о чем! Он умер не потому, что все умрут, а потому что сам виноват – пошел в опасный дом. А я хожу в безопасные дома, поэтому не умру! – Она трещала без умолку. – Я такая догадливая! Мне сообщила Машка, но Машка не догадалась почитать новости, а я догадалась: везде только и пишут про этот взрыв бытового газа на Балаклавке, там столько людей погибло! Но самую главную новость ты сейчас узнаешь от меня: похороны послезавтра, военный морг в Красногорске.

– Послезавтра? – переспросил я растерянно.

– Вот и я воодушевилась! – ответила Галка. – Ты не знаешь телефон Вахоткина и Панюшкиной? Я хочу первой пригласить всех, чтобы чувствовать себя на похоронах центральной фигурой!

– Не знаю.

– Ну и дурак, – вежливо ответила Галка и отключилась.

* * *

Прощаться с Генкой пришло совсем мало народа. Из одноклассников были только Галка, Вахоткин и Светка. Светка приехала с высоким негром по имени Хамон, по-русски он не говорил. Она все время обнимала его, словно боясь, что он убежит. Чуть поодаль был юный парнишка, немного похожий на меня в шестнадцать, а с ним немолодая женщина. Отдельной группой у дверей морга курили четверо военных – коллеги Генки, а с ними Лизавета. Лизавета плакала, военные утешали ее.

– Как же теперь я? – говорила Лизавета. – Я дорогая породистая женщина. – Она бросила взгляд на парнишку. – Зачем ему сын? У него была я. Вдруг они отхватают дом?

Вахоткин потрогал меня за плечо, вздохнул и трагически произнес:

– Хочу поскорее выпить.

Я на всякий случай кивнул, и Вахоткин обратился с теми же словами к Галке.

– Я знаю расписание похорон даже лучше, чем те, кто его составляли, – ответила она, бросив взгляд на часы.

– Обзавидуйтесь, с кем я теперь живу, – сказала Светка и крепче обняла спутника. – Хамон – француз и негр!

В церкви было сумрачно и пахло почти как на Балаклавке, только к дыму добавили что-то сладкое. Военные коллеги помогли установить гроб, но крышку открывать не стали. Вышел священник – немолодой, поджарый, чернобородый, с пронзительными и мудрыми глазами. Оглядел собравшихся.

– Теперь-то что, – густо произнес он. – Раньше надо было в церковь ходить. – Помолчал и добавил: – Я не должен так думать, это грех.

Раздали свечи и началось отпевание. Я никогда раньше не был на отпевании, но здесь оно выглядело жутковато. Священник не говорил и даже не пел – словно читал хип-хоп. Делал он это спокойно и деловито, словно занимался этой работой всю жизнь. Думаю, в церкви при кладбище так оно и было. Голос его был красив и мощен, он взлетал к потолку, а величественное эхо размазывало звук среди колонн, икон и фресок. Он произносил фразы в чарующем ритме: то быстро проборматывал длинные абзацы, словно на ускоренной перемотке, то вдруг выбирал какое-то слово, разбирал его на слоги и неторопливо, словно белье после стирки, начинал развешивать по нотным линейкам – пронзительным и чистым. Он повышал тон и понижал тон, уходил в басы и взлетал в сопрано, словно расставлял в своей песне вопросительные знаки и паузы.

– Вы неправильно оделись и плохо держите свечи-и-и-и-и-и, – тянул он. – Я не должен так думать, это грех. Гре-е-ех! Ни у кого из вас нет души и веры-ы-ы... Никто из вас не спасется – спасусь только я и святой настоятель Мефодий, но он уже стар и спасется вот-во-о-от... Я не должен так думать, это грех. Гре-е-ех! Негра какого-то еще притащили, чорта нерусского-о-о... Я не должен так думать, все дети божьи, даже негры, во как глазищами сверкает. Гре-е-ех! У меня с утра болит живо-о-от... Это за грехи. За ваши грехи-и-и. Я не должен так думать. Гре-е-ех!

Отпевание закончилось, гроб понесли к могиле. Я думал, коллеги майора дадут залп из ружей, но видимо, тут это не полагалось. Хоронили Генку молча. Только кидая в могилу комков глины, Вахоткин прошептал «я очень хочу выпить», а Галка – «я никогда не умру». Комки

глины звонко шелкали по крышке гроба, словно монетки, летящие в курортный фонтан вместе с загаданным желанием.

* * *

Поминки Лизавета организовала на втором этаже английского паба. Здесь был отдельный маленький ВИП-зал, хотя снизу доносился пятничный гул, музыка и клекот кофемашин. Сын Генки со своей матерью на поминки не поехали, сухо попрощались с Лизаветой у ворот кладбища. Зато добавилось Генкиных сослуживцев во главе с важным чином – то ли полковником, то ли генералом, я никогда не умел различать их символы.

Еды было вдоволь. Стол был уставлен бутылками, тарелочками с колбасой, разложенной звездочками, и икрой, размазанной по тарелке так, чтобы ее казалось больше, чем на самом деле. Говорили тосты по очереди, не чокаясь.

– Генка умер из-за неправильного поведения, – объясняла Галка. – Сам и виноват. А я веду себя правильно, со мной такого не случится.

– Только не думайте, что вас одну очень жалко, – успокаивала Светка сидящую рядом Лизавету. – Меня тоже очень жалко: у меня летом тоже умер дядя.

– Мне срочно надо выяснить, от чего именно умер твой дядя! – заинтересовалась Галка. – Я хочу убедиться, что не повторю его ошибку!

– Но все тут заценили, с кем я теперь живу? – ответила ей Светка. – Хамон – француз и негр, и моложе меня. А чего добились вы?

После второй рюмки Вахоткин вдруг обвел присутствующих неожиданно протрезвевшими глазами:

– Господи, как мы все постарели, один вот даже умер! Только я молодой, мне всего тридцать семь.

– Встань и скажи красивое, чтоб меня рядом с тобой зауважали! – пихнула его локтем Галка. – Ты же писатель!

Вахоткин налил рюмку и встал.

– Никогда не любил Генку, – медленно начал Вахоткин, словно пробуя на вкус каждое слово. – Он уже в школе был плохим парнем. Всегда вывернется, подставит другого, проедет за чужой счет. Но это был наш Генка! И сегодня мне горько. Горько, потому что если даже такой умер, не смог вывернуться и подставить другого, то уж мы – мы-то точно все умрем. Какой я вижу выход на нашей Земле? – Вахоткин помолчал и поднял рюмку высоко вверх: – Смотрите, у меня рюмка!

Генерал на том конце стола трижды хлопнул в ладоши. Следом захлопали коллеги.

– Мне бы уметь так красиво говорить, как ты! – всхлипнула Лизавета. – А то не все видят, насколько я убита горем!

Некоторое время ели молча.

– Ну, как говорится в таких случаях... – произнес сослуживец, вставая с рюмкой, – хорошо, что не меня!

Его коллега говорил долго и красиво:

– Ты мог быть хорошим солдатом – жаль, что не было войны. Ты мог быть хорошим другом – жаль, что дружить нам было не о чем. Покойся отныне в земле, Геннадий Иванович, сука ты такая!

Потом встал генерал.

– Но мы, – сказал генерал, – им это так не оставим. Они умоются кровью, и меня представят к ордену. Так что не зря ты погиб, Самохин, а для большой пользы.

Наконец встала Лизавета. Она долго промокала салфеткой глаза. Все ждали.

– Гена, Геночка! – всхлипнула Лизавета. – За что ты со мной так? – Она сделала глубокий вдох и с надрывом продолжила: – Как ты мог со мной так поступить?! Я же все для тебя делала! Все, что положено! И хозяйство! И уют! И минет! К кому мне теперь ползти на четвертом десятке?! Ты обещал свозить меня в Японию! Получается, наврал? Обещал, что летом купишь нам яхту в Севастополе! Я всех подруг пригласила на свою яхту! Я была московская светская львица! И кто я теперь?! – Она горько всхлипнула: – Паук черная вдова?! Я поверила в тебя! Я сделала на тебя ставку! Самую главную ставку жизни! Я сдала тебе в кредит свою молодость! Я-то, дура, думала, ты его будешь возвращать мне всю оставшуюся жизнь! А ты... ты использовал меня! Сорвал вишенку с торта, выжал, бросил и сбежал! Ты обманул меня, Гена! Бросил погибать в нищете! Нормальные люди оставляют любимым бизнес! А твой бизнес висел на твоих погонах! На что мне жить, когда закончатся доллары в сейфе? Коттедж сдавать дачникам?! Вернуться к маме в Джанкой? Я ненавижу тебя!!!

– Очень завидую, какая вы сильная! – уважительно сказала ей Светка. – Дай нам бог, чтоб такое сильное горе случилось только у таких сильных женщин. Потому что я бы не пережила. Но у меня сейчас вариант поинтересней...

Дальше помню отрывками: был слишком пьян.

Помню, что пошел в туалет, а он оказался на первом этаже. Помню, что потом решил выпить кофе и остался на первом, за стойкой бара.

Помню рядом ярко одетую женщину за сорок с надутыми губами, она обратилась ко мне со словами: «Мне надо вдуть, но ты мне не нравишься», – и сразу отвернулась.

Помню, рядом громко беседовали два парня – один показывал фирменные рыбацкие блесны, еще не распакованные.

– Я, – говорил он, широко разводя руками, – офигенно крут.

– Я еще круче! – возражал второй.

– Так я вообще круче всех! Самый ловкий и самый умный. Это не обсуждается!

Я не вслушивался – любые разговоры теперь казались уныло-однотипными.

Помню, женщина с надутыми губами еще много раз ко мне обращалась. «Мне надо вдуть, но ты мне не нравишься. Оцени меня и попробуй как-то уговорить, ты мужик или нет?» Или: «Мне надо вдуть, но тут больше некому. Даже такой обсос, как ты, не хочет мне вдуть? Пипе-е-ец, старушка, ну ты дожила...» Помню, я попробовал объяснить ей, что нахожусь на похоронах, а на похоронах такое не принято. «Горите вы все в аду, твари! – обиделась она. – Я поехала домой, меня дома ждет Андрюша! – Она вдруг осеклась: – Пипе-е-ец, я же его забыла зарядить...»

Помню, из туалета вышел совершенно пьяный негр Хамон, увидел меня и плюхнулся рядом за стойку, а я заказал ему кофе, и мы с ним долго говорили. Он рассказывал, как служил во Французском легионе, а теперь торговый представитель по медицинскому оборудованию, а я ему – что-то про Дашу и ее театр, а потом про Генку и, кажется, даже про эксперимент.

– Слушай, – сказал я. – На каком языке мы говорим?

– На французском, – ответил Хамон.

– Но я не знаю французского!

– А я русского не знаю. Я здесь всего неделю в командировке. Мне вон, – он кивнул головой наверх, – переводчицу дали.

Тут я окончательно протрезвел и попытался выяснить, что он, представитель по медицине, знает про синдром Клеймера и клиники в Германии, которые его лечат.

– Же не компром па, – растерянно ответил Хамон, тоже окончательно протрезвел. – Парле фронсе.

– Что? – не расслышал я.

– Тие тю? – Хамон удивленно оглядел меня и ушел.

ГЛАВА 5

Перед сном

Я дошел из бара прямо до дома – шел по Москве часа три, просто так, без цели. Алкоголь выветрился совершенно, и жизнь казалась невыносимой. Уже дома меня окончательно добил звонок. Позвонил мой доктор – немецкий посредник.

– Лох! – так решительно начал он разговор. – Я хочу, чтобы ты быстрее отдал свои деньги. Я волнуюсь, что дело затянется, ты с кем-то посоветуешься и передумаешь. Очень хочу, чтобы ты передал мне их прямо сегодня! Мне это важно, а то потом билетов в Таиланд может не быть!

Я молча сбросил звонок и заблокировал контакт доктора.

Прав был Генка.

Ну вот и все, подумал я. Нет никакого доктора, никакой клиники, никакой надежды. Друга нет, денег нет. Таинственной лаборатории нет. Работы больше нет. И не найти другую: я же теперь общаться с людьми не умею. И Даши у меня тоже нет. Через две недели она вернется и... как мы с ней будем говорить? Она откроет рот – и какую правду я услышу? Кто тебя так мерзко постриг? Я отлично провела время, весь наш театр на гастролях так трахается, как тебе и не снилось? А я ей что скажу? Твоя любимая особенная дочь – проблемный урод, я ее ненавижу и никогда не полюблю? Мне на нее плевать, я врал тебе в сообщениях, что слежу за ней, кормлю, вожу в школу, а сам...

Я вдруг похолодел.

Не может быть!!!

Да сколько же времени прошло?! Три дня?! Четыре?! И все это время Настюшка сидит там одна?! Без еды?! Без школы?!

Через три минуты я уже был в такси и мчался на север города.

* * *

Отперев дверь, я влетел в квартиру.

– Настюшка! – закричал я с порога. – Настюшка, как ты?

Настюшка вышла из комнаты.

В одной руке у нее был любимый плюшевый медведь, в другой – третий том старой советской энциклопедии.

– Яичницу, – ответила она удивленно. – А огурцы были в холодильнике.

– Огурцы, – повторил я растерянно.

– Нет, – возразила Настюшка. – Одна не ходила, раз мама не велела. Пропустила школу в четверг.

– А что же ты делала?

– Как обычно – читала книжки, смотрела мультики, играла на планшете.

– Послушай, у меня такое творилось в эти дни...

Настюша вдруг взяла меня за руку.

– Ты ни в чем не виноват! – улыбнулась она. – Со мной все хорошо. Это тебе больно.

Не надо.

Я ошарашенно сел на пол.

– Так, что происходит?! Ты... Ты со мной разговариваешь?!

– Это ты со мной разговариваешь! – удивленно ответила Настюшка.

- Так ты умеешь говорить?!
- Умею. С детьми умею, со взрослыми хуже. С мамой умею, но не всегда. Я хорошо говорю только с Яной, это моя подруга.
- У тебя есть подруга?
- Мы в больнице познакомились, у нее тоже синдром Клеймера. Только маме не говори, ей не нравится, когда мы с Яной переписываемся. Я могу нормально говорить только с Яной. И с тобой теперь тоже. Ты сегодня меня слышишь.
- А раньше я не слышал?
- Нет.
- А раньше ты не слышала, что я говорю?
- Слышала. Что я урод. Что я психический инвалид. Что я проблема в доме. Что если бы не я, вы бы с мамой были счастливы.
- Господи, стыдно как, – я закрыл лицо руками.
- Не переживай, мне все так говорят! – успокоила Настюша. – Я привыкла. И в школе, и в магазине, и на улице, и врачи в больнице. И мама тоже так говорит.
- Настюша, поверь, но я...
- А я знаю. Это ты тоже говорил. Что хочешь меня вылечить, что готов ради этого на все.
- Охренеть. – Я глянул на часы. – Ладно, пока у вас внизу магазинчик работает, я сбегаю куплю тебе еды... – И вдруг осекся. – Черт, там прилавок, надо говорить с продавцом...
- Ты теперь не умеешь покупать еду? – догадалась Настюша.
- Теперь не умею, – признался я.
- Значит, у тебя теперь синдром Клеймера?
- Я задумался.
- Ну да, – сказал я наконец. – Это все объясняет. У меня теперь синдром Клеймера.
- Ты заразился от меня? – испугалась Настюша.
- Нет, что ты. Совсем в другом месте.
- Хочешь, я научу тебя покупать еду?
- Я посмотрел на Настюшу. Она не шутила.
- Ты? Научишь меня?! Покупать еду?
- Ну да. А кто тебя еще научит? У меня девять лет синдром Клеймера. Я многому научилась. Даже в школу теперь хожу.
- Мы возвращались из магазина. Одной рукой я держал Настюшину ладошку, другой – пакет с продуктами. Настюша терпеливо объясняла мне новые правила жизни.
- Говори коротко. Чем меньше слов – тем понятнее. Очень помогает указывать пальцем. Дайте этот кефир, это молоко, триста грамм этой колбасы. Если человек противный – не говори с ним никогда, молчи или убегай. Иначе он услышит все, что ты о нем думаешь. И будет неприятно вам обоим.
- Так вот почему ты со мной не разговаривала!
- Но теперь-то ты приятный! Слушай дальше. Прежде чем что-то сказать или написать – остановись и подумай: почему ты это хочешь сказать? Не что ты хочешь сказать, а – почему. Почему ты сейчас тратишь силы и время, чтобы это сказать? Что тебя заставляет это делать? А то знаешь, как бывает: я спрашиваю у себя в соцсетях...
- У тебя есть соцсети?!
- Да, только тайно. Маме не говори пока. Я пишу в соцсетях: если у вас есть ненужный детский велосипед, подарите мне.
- Тебе нужен велосипед? Я тебе куплю!
- Мне уже подарили, сможешь забрать? Но ты не перебивай, ты слушай. Вот мне пишут ответы. Знаешь, что мне пишут?
- Догадываюсь. «Я очень крут».

– Ты зна-а-аешь! – улыбнулась Настюша. – «Я очень крут». «У меня все супер». «Я великий эксперт по велосипедам». А еще: «ты неправильная», «я лучше, чем ты». А бывает, еще пишут: «я здесь, обратите на меня внимание!» Или: «мне одиноко, поговорите со мной кто-нибудь». Или: «мне очень больно, и я хочу написать такое, чтобы тебе тоже стало больно». Но я же все это читаю! А они-то даже не догадываются, что я умею читать! А если им рассказать – обижаются, говорят, что ведьма и читаю мысли. Но они же сами свои мысли мне пишут! Просто думают, что модели велосипедов перечисляли, а не это все... Но я же умею и исходник прочесть – транслятором на другой язык...

– Ты тоже догадалась читать текст через транслятор? – изумился я.

– Ну да, давно. Но ты слушай главное, дядь Леша. Вот зачем они это пишут? У них же нет велосипеда для меня. Вот у одной девочки был, она написала: я отдам тебе велосипед. И как транслятором ни очищай, ее слова не изменятся, потому что искренние. Хотела отдать мне велосипед – ровно это и написала. А остальные хотели сказать, что крутые или им больно. Но плохо не это. Плохо, что они тоже слышат все, что я говорю! Поэтому прежде, чем сказать, я всегда себя спрашиваю: почему я хочу это сказать? Почему?

– Ты рассуждаешь как взрослая.

– Я много читаю, – засмеялась Настюша.

Мне пришла в голову идея.

– А ты сможешь мне написать письмо?

– Почему ты его хочешь написать?

– Потому что меня уволили с работы, и я хочу вернуться.

– Так и напиши.

– Так не поймут. Мне надо соврать – написать, что у меня погиб друг, поэтому я был болен.

– Я помогу тебе соврать, – кивнула Настюша. – Я умею немножко. Только маме не говори. Мы напишем твое письмо. Я думаю, ты быстро научишься всему снова. Я помогу.

Потом мы вместе лепили вареники и смотрели мультики. А перед сном Настюша попросила почитать ей какой-нибудь справочник.

– Почему справочник? – удивился я.

– Потому что мы можем читать только справочники и энциклопедии. А в книгах мы прочтем другое, совсем не то, что хотел написать автор. Хочешь прочту тебе какую-нибудь книгу... из книг?

Настюша встала на табуретку и наугад достала с многочисленных Дашиных полок потрепанный томик.

– Вот послушай. Не знаю, как начать.

– Ты читай с начала.

– Так я и читаю. Не знаю, как начать. Проклятье, никогда не знаю, как начать роман...

И вдруг в прихожей щелкнул ключ.

– Мама! – закричала Настюша и бросилась к двери.

В прихожую вбежала Даша.

– Я ужасно волнуюсь! – сказала она. – Я все бросила и прилетела! Леша! Ты мне слал такие дикие сообщения!

– Я люблю тебя, Даша! – сказал я и обнял ее.

– Я люблю тебя, Леша! – прошептала Даша и прижалась ко мне.

– Я люблю вас! – сказала Настюша и обняла нас, насколько хватало ее рук.

3 ноября 2021

Москва, Чертаново

Вера и мед

Для проекта «Метрономикон» PULSART по мирам художника Алексея Андреева

Ей всегда казалось, что она просыпается за секунду до колоколов. Вера готова была поклясться, что это так. Но Эрик говорил, что это всего лишь эхо гиппокампа: пробуждающийся мозг неверно запоминает ход событий, причину и следствие. Кому верить? Собственной голове или любимому мужу, доктору наук и лауреату Бериевской премии РСФСР?

Церковные колокола били за окном побудку медленно и раскатисто, немного не попадали в ноты: в местной звоннице не хватало нужного колокола. Вера всегда лежала и ждала, пока они доиграют, наслаждалась первыми минутами наступающего дня. На одеяло запрыгнул Тишка и принялся топтаться, намекая, что пора завтракать. Не открывая глаз, она вынула из-под одеяла руку и принялась чесать Тишку. Тот с хрустом потягивался, игриво обхватывал ладонь всеми лапами, показывая, что ему тоже очень приятно. Вера хотела почесать ему пузико, но задела ногтем пигидий – Тишка дернулся и больно впился в ладонь передними клешнями.

– Тишка! – укоризненно крикнула Вера, открыла глаза и села.

Тишка юркнул под кровать. Остатки сна испарились, и разом стихли колокола. На одеяле расплзались капли крови, и было больно. Но и это не испортило весеннего настроения. Вера открыла старую хлебницу на комод, давно служившую аптечкой, промыла царапину карболкой и смазала зеленкой, но кровь продолжала капать. Пластырь оказался только перцовый. Подложить бы кусок марли, что ли, но марля – вещь дефицитная. В туалете лежали газеты, нарезанные квадратами, но это не стерильно. Вера сорвала вчерашний листок отрывного календаря, а за ним и сегодняшний – уж он точно остался чистым внутри стопки: ни амёб, ни грибков, ни спор механической нематоды, ни прочей гадости сюда насыпаться не могло. Да и типографского свинца минимум: листок оказался не черный, а красный: «22 апреля – 155 лет со дня рождения В. И. Ленина»

– Как все удачно складывается! – улыбнулась Вера, накрыла листком ранку, наклеила поверх пластырь и распахнула шторы.

Закружилось облако пылинок, комната наполнилась апрельским светом – ярким, как хирургическая лампа, острым, как скальпель, и полным надежд. Стоя у окна, Вера чуть согнула ноги и прислонилась голыми коленками к батарее, как любила. Батарея грела и пульсировала. По улице уже всюю шагали прохожие с портфелями и пионеры с ранцами, к открытию гастронома выстроилась очередь, и Вера вспомнила, что нет ни хлеба, ни молока, ни мотыля для Тишки. По всей улице сегодня трепыхались флаги, над куполом церкви тоже алело праздничное знамя. На самом куполе грелись в утреннем солнце большие жирные скаты, от этого купол выглядел камуфляжным и чем-то напоминал пузатый хохломской чайник – золото с черным.

– Красота! – снова повторила Вера и включила радио.

Тишка вылез из-под кровати как ни в чем ни бывало и терся о ноги хозяйки спинными пузырями. Вера насыпала ему в миску опилок и сухого гематогена. Тишка укоризненно посмотрел на нее всеми своими глазами, но высунул хоботок и принялся жадно всасывать лакомство. По радио рапортовали про битву за урожай в тяжелых условиях инфильтрации. Скоро должен был позвонить Эрик.

Вера пошла в ванную, но из душевой лейки опять выросли до самого пола черные скользкие нитки – извивались как ресницы и не пропускали воду. Вера их оборвала как могла и даже поскребла по душевой лейке рукоятку зубной щетки, но вода сегодня все равно шла тонюсенькой струйкой, холодной и ржавой. Вера вернулась на кухню, нашла в холодильнике сковородку и два яйца. Одно оказалось свежим, она вылила его на сковороду поверх вчерашней картошки. А вот второе механизировалось: под ножом хрустнули молодые шестеренки, кухня наполнилась густым запахом солидола и горелого пенопласта. Вера кинула яйцо в ведро, и в этот миг

завонил телефон – резко, с короткими паузами, по-междугородному. Сперва шли шелчки. Затем телефонистка раздраженно произнесла: «Жур-жур-бург, звонок примете? Соединяю!»

– Здравствуй, Эрик! – сказала Вера. – Как ты, милый? Ты сегодня раньше обычного. У нас уже совсем весна. Я очень по тебе скучаю. А ты?

Трубка молчала.

– Эрик, милый, – повторила Вера. – Как прошел твой день? У меня все по-прежнему. Работы много: то травма, то прорыв, всех везут к нам, а лекарств нет. А Тишка сегодня...

– ...слышишь? – взволнованно донеслось из трубки. – Верочка! Слышишь меня?

– Да, милый!

– Верочка, все получилось! Начался весенний дрейф! В этом году идет всего один транспорт, мест не было вообще! Но кто-то в последний момент отказался, и мне удалось его поймать!

– Кого, милый? – удивилась Вера.

– Не перебивай, связь может оборваться в любую минуту! У тебя есть чем записать? Запиши! Пятигорск! Ты должна за сутки добраться до Пятигорска. Это реально. У вас еще что-то туда ездит – поезда, автобусы, гравипланы, не знаю, договорись с таксистами, выгребь все, что осталось в моем секретере. Шесть утра, завтра! Записываешь? Вокзальная площадь Пятигорска, с нее полетит оранжевый тобус. Мне сказали, он оранжевый. У тебя выкуплено место, просто назовешь фамилию... Ты слышишь?! Вера, почему ты молчишь?!

– Милый, а потом что? – спросила Вера.

– И все! Только доберись до Пятигорска к старту, они не станут ждать опоздавших! Они поднимут тобус и выгрузят вас на летающий остров, выберут самый устойчивый, местные все знают, с вами полетит кто-то из проводников, он расскажет, вас пристегнут, выдадут плащи, спальные мешки...

– Это будет законно? – спросила Вера.

Трубка помолчала.

– Ты не можешь говорить? – догадался Эрик. – Кто-то стоит рядом и нас подслушивает? Ты в опасности?

– Нет, милый, у меня все хорошо.

– Тогда что это значит? Мы так долго ждали этого! Я набрал долгов, выкупил билет на аукционе! Конечно законно! За такие деньги у них все улажено с милицией, с КПП. Они же взлетают прямо с центральной площади, наверняка и горком в доле, может, даже кто-то из секретарей летит. Это не телефонный разговор, переберись через разломы, потом наконец обо всем поговорим! Я тебя встречу. И Кузнецовы, и Маринка с мужем! Все тебя ждут! Верочка? Ты слышишь? Почему ты молчишь?

– Но там занавес...

– Верочка! Вы пойдете над облаками! Там железный занавес!¹ Железный! Это же дрейф, огромные летающие острова спокойно проходят! Вы просто на полминуты задержите дыхание, вам скажут когда. И пройдете как скальпель через агар-агар! Как в мармелад лицом! Это несколько секунд, потом просто отряхнете одежду! Мы все через это прошли, выглядит страшно, а на самом деле даже интересно! Главное – никаких вещей с собой, это их требование, вам все выдадут.

– А фотографию мамы?

– Фотографию возьми, – смягчился Эрик, – сунешь под кофту. Сколько в ней того серебра, три атома... Можешь записную книжку мою взять или хотя бы страницы с формулами.

¹ ВОЗРАСТНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ 18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (СЛОВСОЧЕТАНИЕ «ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС») СОЗДАН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ ЛИНОР ГОРАЛИК, ВКЛЮЧЕННЫМ В РЕЕСТР ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ. ЦИТИРУЕМОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ РАСПРОСТРАНЕНО ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ ДО НАЧАЛА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА.

Хотя я почти все восстановил, не надо, не рискуй. Ничего не бери! Главное – никакого металла, никаких часов, сережек, пуговиц. И мы наконец увидимся! Господи, как я мечтаю тебя обнять!

– Я тебя тоже люблю, Эрик, – улыбнулась Вера. – У меня сгорела яичница, и мне пора на работу.

– Поезжай первым делом на вокзал, может, в кассах есть что-то на Пятигорск, может, самолет до Минеральных Вод, может, электричка, а там местные таксисты...

– Хорошо, дорогой, я подумаю, – кивнула Вера. – С праздником. Удачного тебе дня.

Вера подошла к окну и немного постояла, уткнувшись коленками в батарею.левой коленке было холодно, правой горячо. Вера посмотрела на батарею – крайняя чугунная секция немного опухла и отекала. Белые хлопья краски осыпались и лежали на полу кучей грязной муки, с распухшего чугуна сочилась черная слизь. Вера приложила ладонь и тут же отдернула – в этом месте батарея была огненной. Намочив полотенце в соленой воде, Вера бережно укутала распухшую секцию. А потом собралась с мыслями, надела красный берет, взяла мусорное ведро и вышла во двор.

Здесь было ярко, но промозгло – небо потихоньку затягивалось серыми тучами. Вера дошла до детской площадки в поисках баков, а они все оказались в старом котловане: сгрудившись у лужи на глинистом дне, торопливо рвали что-то, похожее на хобот с присосками. Казалось, хобот подергивается, но, может, просто казалось. Увидев ведро, пара бачков оторвалась от стаи и проворно выбралась из котлована. Они сели перед Верой, распахнули бездонные пасти и сами стали похожи на черные ведра, заросшие изнутри зубами. Вера высыпала каждому по половине ведра, бачки тут же захлопнулись, стали похожи на толстые кляксы и принялись урчать, перемальвая органику и неорганику. Из котлована выбрался еще один и увязался за Верой, норовя цапнуть за пальто. Пришлось на него шикнуть и замахнуться ведром. Бачок отстал. Хотелось спрятать ведро во дворе и сразу пойти к автобусу, а забрать после работы. Но либо сгрызут бачки, либо сопрут соседи. Пришлось занести домой.

Пассажиры на остановке кутались, курили и негромко переругивались. Вера глядела в сереющее небо и улыбалась свежести и весеннему ветру, который пытался забраться под плащ. В небе кружили электроскаты. Над крышами многоэтажек важно проплыл в направлении объездной рекламный медузоид с привязанным под брюхом алым транспарантом. Транспарант рвало и бултыхало высотными ветрами, что там написано – Вера прочесть не смогла, но, судя по золотым кистям и бахромам, что-то к празднику.

– Сорок минут стоим! – прошипел рядом бородач и указал красной папкой на медузоид. – А на это у них деньги есть!

– Не волнуйтесь, автобус приедет, – улыбнулась ему Вера. – Смотрите лучше, какая весна. Еще день-два – и раскроются листочки.

– У нас потолок в соседнем подъезде раскрылся, – буркнул тот. – Щупальца вылезли, троих задушили, один ребенок.

Вера вздохнула:

– Инфильтрация. Все мы смертны рано или поздно. Сейчас везде прорывы.

Послышался лязг: из-за полуразрушенной девятиэтажки выползал автобус. Даже отсюда было видно, как он стар, – полз медленно, словно парализованный таракан, перебирал ржавыми поршнями: вытягивал пучки ног, упирался в бетон и натужно подтягивал себя вперед с жужжанием, газовым шипением и скрежетом. Когда приблизился, Вера увидела, что задние колеса давно не крутятся – просто трутся по бетону, сточенные уже до осей. Передние еще крутились – голые, в обрывках резины. Фары давно разбились и заросли мутными пузырями. Крыши тоже не было – огромная дыра в небо с неровными краями, будто сверху постучали гигантской ложкой и выели автобус как яйцо, оставив лишь тонкие стенки. По сути так оно и было: вселившийся инфильтрант неторопливо обживал автобус – осваивал его функцию и постепенно переваривал. Кабину всегда выедало в первую очередь – все, что там было, давно

растворилось и переварилось, все пространство кабины полностью заросло металлопаутиной и пеной. Но автобусу было так много лет, что даже салон уже наполовину зарос.

– Куда он идет? – заволновались на остановке.

– Какая разница? – обернулся бородач. – В таком ехать – себя не уважать, подцепишь какого-нибудь паразита на свою голову...

– Так другого нет...

Автобус остановился и со стоном разжал створку двери.

Вера протолкнулась вперед и залезла внутрь. Здесь пахло керосином и плесенью, сидений не было, под ногами хлюпала густая ржавая каша, и со всех сторон росли молодые металлические поручни, похожие на щупальца осьминога. Люди снаружи все стояли, не решаясь войти. Автобус ждал.

– Женщина! Гражданка в красном берете! – послышался возмущенный бабий окрик. – Кто вам дал право лезть без очереди?!

И, как по команде, пассажиры повалили внутрь, прижав Веру к сплетению трубок. Автобус тронулся. Вера смотрела вверх – там проплывали обрывки проводов, разросшиеся над дорогой щупальца колючки, а над всем этим нависало бездонное серое небо. Вера улыбалась и думала, как приятно ехать в автобусе, где вместо крыши – открытая связь души с чем-то высоким и добрым. Хотелось даже снять берет.

От остановки к празднику смастерили тропинку из свежих деревянных щитов поверх луж и глины – теперь идти до КПП было одно удовольствие, можно смотреть не под ноги, а по сторонам. Слева тянулся бетонный забор, поверху густо обросший такими клубами колючки, что местами она опускалась до земли. Справа тянулся пустырь с прошлогодним сухостоем, черными кучами последнего снега и обломками бетонных труб. Там уже пробивались ростки мать-и-мачехи, особенно на лысой площадке – где пять лет назад пионеры ловили сачком воздушных пиявок и надували, пока откуда ни возьмись прилетела их здоровенная матка и заплела всех ядом. Мальчишек тогда быстро донесли до медпункта, и всех удалось спасти. А площадка пропиталась ядом – трава там летом не вырастала. А вот мать-и-мачеха – пожалуйста. Эрнест даже предлагал наловить маток и выделить гербицид для сельского хозяйства.

Странно, но очереди на проходной сегодня не было.

– Опоздываем? – хмуро осведомился дежурный, наверно, новенький.

Вера посмотрела вверх на табличку «Ордена 100-летия годовщины ВОСР КБ Агропроект имени Андреева при НИИ Спецбиотех» и плакат «XIX пятилетке – ударный труд». Часы над табличкой показывали без четверти семь.

– Есть запас, – улыбнулась она.

– Вы знаете, какой сегодня день? – Он покачал за стеклом ее паспортом с пропуском, но не отдал. – Праздничный сбор с шести утра. Пропуск я изымаю. И нечего улыбаться!

«Паша, оставь ее в покое, – пробасило из глубины караулки, – это ж Вера из медчасти. Она всегда улыбается».

– Алексей Мурадович, так приказ! – обернулся дежурный. – Опоздание – изъять пропуск. Но документы вернул и турникет открыл.

В актовом зале народу было битком. На трибуне дочитывал послание Лев Петрович Столетов:

– ...на благо Советского Союза. Несмотря на отдельные недостатки, – гремел директорский голос, – несмотря на ухудшающуюся обстановку, институт работает на переднем крае науки. Выполняя задачи Партии, продолжая дело Ленина и Берии, стены института подарили стране целых шесть лауреатов государственной премии: Лавушкин, вот он в зале, поаплодируем! – Зал взорвался аплодисментами. – Фельмуд! – Аплодисменты. – Лоботарёва! Мезальянц! И Бобров, вечная память!

Аплодисменты стихли.

– Пospelов, – вдруг сказала Вера.

Грянули послушные аплодисменты и тут же умолкли. Повисла тишина.

– Ну и Пospelов, в общем, тоже, – нашелся Лев Петрович, тряхнув бакенбардами, – мы же не будем этого отрицать. Но и поощрять тоже не будем. А будем работать, работать и работать, как завещал великий Ленин! С праздником, товарищи! Все по местам! А вы, Пospelова, – ко мне в кабинет.

* * *

Столетов сидел за своим столом под портретом Ильича. На столе в ряд стояли телефонные аппараты и чучело маленького мокеле-мбембе. Его когда-то привез Эрик из Валдайского очага.

– Вызывали, Лев Петрович? – улыбнулась Вера. – С праздником!

– С праздником... – буркнул Столетов. – Прикройте дверь. – Он опасливо приподнял третий слева телефонный аппарат, резко потянул шнур и выдернул из розетки и только после этого поднял взгляд. – Вера, я сколько раз говорил: утихните, вы на виду. Вы неоценимый работник, вас любят товарищи, но институт режимный. Я лично поручился перед первым отделом. Зачем этот цирк на собрании?

– Потому что Пospelов тоже лауреат.

– Бывший лауреат. – Лев Петрович нервно повертел штепсель и решительно воткнул обратно в розетку. – Ваш муж, – громко говорил он в стол, нависая над аппаратом, – предатель! Он предал институт, предал общее дело и сбежал – трусливо, тайком! Бросил товарищей, бросил вас, Пospelова! Ему подарили все: образование, признание, лабораторию. А чем он отплатил? Стыдный поступок, недостойный ученого! – Лев Петрович стукнул кулаком по столу, снова выдернул шнур из розетки и откашлялся. – Знаете, Верочка, в биологии есть термин: скирдоваться. Эрик вам не рассказывал?

– Нет.

– Очень зря. Скирдоваться – это когда мышь чувствует, что вокруг ходит лиса или кот. И начинает скирдоваться. Закапывается в укромное место, перестает бегать. Занимается домашними делами – тихо-тихо, словно ее нет. Я вам говорю русским языком: Верочка, надо скирдоваться. – Столетов указал пальцем вверх. – Вы не понимаете, что я сижу выше всех и все падает на меня? Говорят, я даже у самих Хозяев сейчас на особом контроле, если понимаете, о чем я. Вы каждый день перезваниваетесь – думаете, никто не знает, раз вам не делали замечаний? Но вы же понимаете, насколько это нежелательно для всего коллектива, эти ваши созвоны? А теперь вы не приходите на Ленинскую линейку! – Он схватил со стола лист и помахал им в воздухе.

– Честное слово, из головы вылетело!

– А Мурадович уже рапорт написал! А я теперь обязан реагировать! Что вы улыбаетесь? – Он нервно почесал пышные бакенбарды. – Вера, хотите работать в институте – работайте. Не хотите – пишите рапорт. Хотите на Дальний Юг за Пospelовым – черт с вами, летите, скатертью дорожка, как говорится. Еще сами там хлебнете инфильтрации и обратно попроситесь. Но мне, мне перестаньте создавать проблемы! Их и без вас хватает!

Вера увидела, что у него дрожат руки.

– Вы стали раздражительны, Лев Петрович. Хотите пирозолам? Он помогает расслабиться, у вас же такая нагрузка. А может, вам съездить просканироваться? Вы ж знаете, некоторые интегралы вызывают выброс желчи и дисфорию...

Вера осеклась: она смотрела на бакенбарды Столетова, которые он отращивал с октября. Бакенбарды выглядели солидно, по-профессорски, и Вера вдруг с ужасом разглядела, зачем

они: из висков Столетова свисали маленькие крабьи ножки, тонкие и серебристые. Столетов поймал ее взгляд.

– В медпункте есть немного сульфацида, – сказала Вера. – Приходите, будем обрабатывать каждый день, иногда они просто уходят.

– Идите работать, Вера, не морочьте мне голову, – устало ответил Столетов и воткнул телефон обратно в розетку.

В тот же миг аппарат истошно зазвонил, а одновременно в дверь ворвался Мурадович:

– Лев Петрович! – кричал он, выкатывая глаза. – Прорыв под Кисловодском! Какая-то тварь докопалась, семь трупов, двоих утащила под землю!

– Спасатели? Пожарные? – Столетов вскочил.

– Все там! И мои там! Не могли до вас дозвониться!

* * *

Кисловодском называли склад института, никто не знал почему. Здоровенный железный ангар примыкал когда-то прямо к зданию второго корпуса. В одну из снежных зим часть ангара рухнула, и зайти из корпуса стало невозможно – только в обход, с улицы. Сейчас здесь стояла толпа.

– А я говорил, нельзя столько органики хранить в одном месте... – говорил кто-то.

– Умник нашелся! Это еще Пospelов говорил! А толку – где ее хранить-то?

Вера шла за Столетовым сквозь толпу. Внутри ангара царил разгром, словно тут бесился трактор, заросший механопаразитами: стеллажи повалены, ящики вскрыты, а по центру в полу зиял тоннель почти в рост человека – словно въезд в подземную парковку, вырытый в сырой земле исполинским червем. Дыра уходила вниз и вбок, а рядом стояли испуганные пожарные и спецбригада в химзащите с огнеметами.

– Я не полезу туда с этой зажигалкой, – говорил один из них. – Там семеро моих парней полегло.

– Тихо! – сказал кто-то.

Из дыры послышался далекий стон.

Столетов, растолкав всех, быстро оценил ситуацию:

– Ты советский человек! Там гибнут твои товарищи!

– А что я могу?! – Тот сбросил капюшон химзащиты. – У меня двое детей. Здесь танк нужен!

Столетов открыл рот, но Вера вдруг шагнула вперед.

– Я пойду! – сказала она. И зашагала вниз по глине.

Через несколько шагов лаз повело вбок, и вокруг сгустилась тьма.

– Эй, – позвала Вера. – Есть кто живой?

Стон повторился. Вера побежала вперед, привыкая к темноте, и вдруг чуть не споткнулась о человека.

– Помогите... – прошептал он, приподняв голову. – Ноги...

И Вера увидела: ног у него нет по самые колени.

– Держись, – сказала она, схватила парня за ворот куртки обеими руками и потянула назад, к свету. Несколько метров дались ей с трудом, затем пришлось отдышаться. Парень снова застонал.

– Там есть еще люди? – быстро спросила Вера.

– Нет... Медведь убил всех...

– Медведь? – Вера опасно глянула в темную глубину и снова поволокла человека к выходу.

И когда до поворота оставалось уже немного, сзади послышался хруст щебня и частые частые шлепки – мягкие, но от них дрожала земля, словно бежала пара слонов. Вера остановилась и обернулась.

Это было и правда похоже на медведя, только больше раза в два – из темноты, перекачивая свою массу, словно улитка, топтал грузный кожаный мешок белесого цвета со множеством когтистых лап и жутким симметричным рылом, как у глиста. Больше не было сомнений, чей это тоннель, – чудовище занимало весь диаметр. Не добрав метров трех, оно мягко затормозило и распахнуло огромный рот-трубу, набитую по кругу режущими пластинами, – словно выкатило их вперед из кожи и выдохнуло. Полыхнуло жаром – из глотки вылетали синие языки пламени.

– Божечки! – ахнула Вера. – Да это же гигантская тихоходка, про которую столько спорили...

Чудовище угрожающе подалось вперед.

– Не смеешь! – строго и отчетливо произнесла Вера, подняв ладонь. Она угрожающе сорвала с головы красный берет и шагнула навстречу.

Тихоходка от неожиданности попятилась, перекатилась на задницу и подняла передние пары лап. Некоторое время она водила рылом, словно принохиваясь, а затем с какой-то удивительной ловкостью повернулась в тоннеле и с глухим ворчанием, перекачиваясь с лапы на лапу, уплыла во тьму.

Вера надела берет и без проблем дотащила человека до выхода из провала. Тут ее схватили десятки рук, кто-то поздравлял, кто-то охал.

– Живых там больше не найти, – сказала Вера.

Все бросились заваливать дыру обломками ящиков и стеллажей. Вере было не до них – она осматривала парня. Крови не было: ноги были словно обрезаны плазменным резакон, ткань крепко запеклась. Идеальная ампутация. Вера ввела противошоковое, антибиотик и на всякий случай грибковый антидот. Парень открыл глаза, и Вера его узнала – это был охранник Паша с проходной.

– Скорую вызвали? – обернулась Вера.

– Звонили, – ответили из толпы. – Говорят, нет свободных скорых, только по записи на завтра.

– Они с ума сошли? – удивилась Вера. – Ну, давайте на носилки и ко мне в медпункт.

* * *

Телефон звонил дважды, но Вера подойти не могла – обрабатывала раны. Взяла трубку лишь на третий раз.

– Медпункт, Поспелова? – уточнила телефонистка. – Соединяю.

В трубке щелкало.

– Верочка?

– Эрик, милый! Мы же договаривались, ты не будешь звонить мне на работу, тут режимный...

– Верочка! – перебил Эрик. – Я же волнуюсь страшно! Я звонил домой, тебя нет! Почему ты на работе? Как ты решила добираться?

– У меня пока не было времени. Представляешь, у нас тут...

– Не было времени?! Верочка, ты в своем уме? Остались считанные часы! Следующий дрейф через год! Может поменяться роза ветров, закроются возможности, не будет проводников, транспорта! У меня нет средств на новый билет: я влез в долги, заложил дом, который строил здесь для тебя, для нас! Умоляю, просто доберись до Пятигорска! Я не смогу это сделать за тебя!

– А ты можешь сдать билет?

Эрик молчал долго.

– Вера, – сказал он наконец, – ты ли это?! Мы ждали этого четыре года!

– Но с кем я оставлю Тишку?

– Вера!!! Какого Тишку?! Отдай соседям! В приют! В институт, в гардероб к тете Вале! Какой Тишка?! Мы же все планировали! Я летел на месяц раньше – устроиться, встретить тебя! А потом ты не могла оставить больную маму, а она не хотела ехать. Потом не стало мамы, а улететь на Дальний Юг становилось все опасней и дороже. Потом сменилась роза ветров и год не было дрейфа. И теперь, когда все наконец сложилось, ты говоришь про Тишку?! Про эту безмозглую вонючую нежить, бешеную паучью тварь, которая мне трижды раздирала ноги до костей?!

– Не ругайся, милый, – попросила Вера. – Я люблю нашего Тишку. И ты его любишь.

– Вера, что у тебя в голове творится?! Ты хочешь дальше жить в этом аду среди скользких тварей², постоянных прорывов, пиявок, коконов, механопаразитов и прочей нежити?! Ты уже не понимаешь, как выглядит весь этот мир со стороны, с нормальной стороны?! Или ты не хочешь видеть меня? У тебя появился другой мужчина?

– Конечно я хочу тебя видеть, – возразила Вера, – почему нет? Мне не нужен другой мужчина. Мне просто надо собраться с мыслями.

– Ну вот, совсем другой разговор! – обрадовался Эрик. – У нас все получится! Я тебя люблю!

– Я тоже тебя люблю.

Она вернулась в бокс. Паша все так же лежал на спине, но щеки его заметно порозовели, глаза были открыты, а взгляд осмысленный, хоть и растерянный.

– Из дома звонили? – спросил он. – Волнуются наверно, небось уже слухи по всему городу про новый прорыв...

Вера кивнула.

– А моя родня вся в Майкопе осталась, – сказал он. – Сколько тебе лет, если не секрет?

– Тридцать восемь.

– Ого. А так и не скажешь.

Вера снова улыбнулась.

– Почему ты улыбаешься? Говорят, ты всегда улыбаешься.

– Потому что все хорошо.

– Что ж хорошего?

– Не могу объяснить, это можно только почувствовать. Просто мне сладко жить.

– Сладко жить? Это как?

– Это когда все делаешь правильно, ничего не тревожит, неприятности не огорчают, а что может радовать, то радует.

Паша помолчал.

– Повезло тебе.

– Раньше я тоже злилась, психовала, металась, кому-то что-то доказывала. И всю жизнь чего-то ждала. Ждала, что придет самое главное, просто надо потерпеть и дождаться. Вот окончу школу, колледж, выйду замуж, найду хорошую работу, рожу сына, сын окончит школу, отслужит спасателем, и тогда я наконец стану счастливой... А теперь я счастливая просто так.

– И как это возможно?

Вера задумалась и облизнула губы.

² ВОЗРАСТНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ 18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (СЛОВСОЧЕТАНИЕ «СКОЛЬЗКИЕ ТВАРИ») СОЗДАН ПОЭТЕССОЙ ВЕРОЙ ПОЛОЗКОВОЙ, ВКЛЮЧЕННОЙ В ПЕРЕЧЕНЬ ЛИЦ, ПРИЧАСТНЫХ К ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ. ЦИТИРУЕМОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ РАСПРОСТРАНЕНО ПОЭТЕССОЙ ДО НАЧАЛА ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРРОРИСТА И ЭКСТРЕМИСТА.

– Я попробую объяснить, но на примере. Это как мед.

– Мед?

– Да, мед. Вот знаешь, есть термиты – они все уничтожают на своем пути. А есть, наоборот, пчелы. Представь себе дерево, в нем дупло, в дупле пчелы устроили улей. И вот они каждый день вылетают наружу, и что видят? То же, что и мы: грязь, гнилые лужи, трухлявые пни, свалки, трупы животных... А еще – леса, луга, солнце. Но летят они только к цветам. И собирают только мед. И приносят в свой дом. Пчелы больше ничего не несут в дом, только чистый мед. И поэтому у них – дом с медом. И всем хорошо: и цветам, и пчелам, даже дереву, в котором они живут. Потому что это их дом, они о нем заботятся. Вот так и мы. Мы сами решаем, в какую сторону лететь. Можем лететь на вонючую свалку к мухам и жаловаться, как нам тут плохо. А можем – на цветочный луг, где красота, мед и бабочки...

Паша молчал долго.

– Красиво, – произнес он с уважением. – Сама придумала?

– Научили.

– А меня сможешь научить?

Вера вздохнула.

– Смогу. Но боюсь, ты этого не хочешь.

– Да я вообще теперь жить не хочу! Как можно жить без ног? Только повеситься или спиться!

– Люди живут без ног, – возразила Вера. – Ждут протезов, находят занятия, работу...

– И в чем смысл такой жизни? В чем мед? Научи, если можешь.

На этот раз Вера думала очень долго.

– Ну хорошо, попробую, – кивнула она, да так и замерла, опустив подбородок на грудь. – Ты точно этого хочешь?

– Да.

Она медленно стянула красный берет, и вдруг Пашка страшно выпучил глаза и раскрыл рот в немом крике: под беретом у Веры не было ни волос, ни кожи – там зияла огромная дыра в черепе с неровными, словно обглоданными краями. Внутри как в пустом кокосовом орехе роились тысячи мелких светящихся тварей – маленьких, черно-желтых летучих шариков, будто крупные цветки мимозы с деловито шевелящимися черными лапками. Когда Вера сняла берет, часть вылетела и теперь кружилась над ее головой маленьким желтым облачком. Вера сунула руку глубоко внутрь головы, вынула пригоршню шариков и вдруг швырнула их прямо Паше в раскрытый рот.

Пашка бился недолго – вскоре затих, словно заснул с широко раскрытыми глазами. Вера заботливо прикрыла его одеялом, поставила на тумбочку стакан с водой.

– Все будет хорошо, – сказала она с улыбкой, – спи. Я приду завтра утром, мы будем завтракать, обязательно достанем тебе антибиотиков, ты начнешь выздоравливать.

Она еще немного посидела, ожидая, пока разлетевшиеся по комнате шарики соберутся обратно в улей, а затем надела красный берет и подмигнула Паше:

– Это я называю собраться с мыслями. Не надо бояться, это только со стороны поначалу страшно, если не понимаешь. А это просто мои мысли. И они светлые.

* * *

Дома было тихо, душно и пахло чем-то кислым. Вера распахнула форточку на кухне и принялась разгружать сумку: молоко и хлеб убрала в холодильник, сахар и гречку в шкаф, а коробочку со свежим мотылем вывалила Тишке в миску.

– Тишка! – позвала Вера.

Квартира молчала.

Вера заглянула под стол, в ванную, зашла в комнату, включила свет – и замерла. Здесь стояла дикая парилка, окно запотело, под ним пульсировала батарея. Вера никогда такого не видела. Крайние секции чудовищно раздулись и были раскалены – они гигантским мешком отекали на пол и судорожно пульсировали. И в такт им пульсировала ладонь, прокушенная с утра Тишкой. В том месте, где трубы от батареи уходили в стену, обои вспучились, во все стороны шли трещины. Стало видно, где в стене шла труба на верхний этаж – теперь она обнажилась, цемент вокруг осыпался: из развороченной стены торчала раздутая и воспаленная вена, и тоже подрагивала. Вера перевела взгляд на батарею – под ней насочилась большая лужа черной слизи, линолеум по краям немного дымился. И в этой луже валялась тряпка – так сперва показалось Вере. Но это была не тряпка, это были остатки Тишки – полурастворенные, словно высохшие. Как он угодил в эту лужу?

– Бедный Тишка, – вздохнула Вера.

Она нашла резиновые перчатки, аккуратно переложила Тишку в мешочек, вынесла во двор и поскорей вернулась – с наступлением темноты и до самых колоколов из домов выходить запрещалось: ночами по городу ползали самые странные твари.

Комната немного проветрилась. Из открытого окна тянуло прохладой, хотя воспаленная батарея по-прежнему жарила. Непонятно было, что делать с ней и токсичной лужей. Конечно, следовало звонить спасателям, но кто ж до утра приедет... Вера задумчиво уставилась на телефон, и вдруг он зазвонил сам – требовательно, с короткими паузами.

– Здравствуй, Эрик! – сказала Вера. – Как ты? Представляешь, погиб Тишка – упал в лужу под батареей и растворился. А в ванной из душевой лейки каждый день растут ресницы, я сейчас руки мыла – оттуда смотрит глаз.

– Вера! – закричал Эрик. – Почему ты еще дома?!

– Все хорошо, – улыбнулась Вера. – Только с нашей батареей беда – кажется, там кто-то живет и скоро будет прорыв. Как думаешь, звонить спасателям или ждать утра?

– Вера!! – снова закричал Эрик. – У тебя меньше семи часов! У тебя есть билет?

– Милый, у меня пока нет билета.

– Пока?! Но ты не успеваешь! Ни поезд, ни машина уже не успеют! Только самолет или экраноплан! Все кончено!

Вера тактично молчала.

– Почему? – спросил Эрик с отчаянием. – Почему ты так со мной? Ты же так хотела!

– Хотела, милый, – согласилась Вера. – Но это было давно. Я не хочу никуда уезжать, Эрик. Это мой город, моя страна, моя земля, почему я должна куда-то бежать? Здесь я родилась и выросла, здесь могилы близких. Что бы ни творилось, мое место здесь. Это... – Она задумалась. – Это как семья. Нельзя же сказать супругу, что я с тобой только пока у тебя все хорошо, а если заболеешь, сразу уйду к другому. Понимаешь меня? Это место болеет, но я нужна здесь. Если я уеду, кто вместо меня завтра выйдет на работу в медпункт? А там люди, им всем нужна моя помощь. Уехать – это всегда просто. А вот остаться – труднее. Здесь мое место, Эрик.

– Это обреченное место, Вера! Это место катастрофы, реактор зла! Твари убивают и калечат людей каждый день, ты работаешь на них, а не на людей! Ты мотаешь бинты и делаешь вид, будто так и надо, ничего не происходит, везде так! А везде не так, Вера! Везде по-разному! Есть болота и вонючие свалки, а есть чистые луга! Это твоя жизнь и твое право решать, где жить, с кем и как!

– Всюду жизнь продолжается, – возразила Вера.

– Продолжается? Вера, очнись! Вспомни Андроповград, Майкоп, Новокаиновск – их нет больше! Вспомни, где погиб Дениска, вспомни, что убило твою маму! Погибают города, уходят под землю здания и кварталы, гибнут знакомые, друзья... А ты говоришь: смотрите, все хорошо, птички поют, жизнь продолжается... У кого продолжается, Вера? Как долго продол-

жается? Куда движется? Это как... – Эрик запнулся, пытаясь найти слова. – Это как пожар! Ты можешь бить тревогу и выводить людей из горящего здания! Ты можешь первой кинуться вперед и показать всем, где выход наружу! Но ты вместо этого улыбаешься, раздаешь марлевые повязки от дыма и советуешь остаться, вернуться к своим делам, потому что не происходит ничего страшного! Но этим ты не спасаешь людей, Вера! Ты губишь их! Они все сгорят с твоими повязочками! Как ты не понимаешь, что вросла в эту систему? Ты давно ее часть, Вера! Ты действуешь в интересах тварей, помогаешь удерживать стадо людей им на корм!

Он выдохся и умолк.

– Милый, – сказала Вера как можно мягче, – ты говоришь злые и несправедливые слова. Пожалуйста, попробуй меня услышать и понять. Да, я не могу изменить весь мир и его порядки. Но я могу дать себе и окружающим людям столько добра и света, сколько могу. А если не в этом смысл жизни, то в чем тогда вообще? Понимаешь меня? Если я не права, возрази?

Эрик молчал.

– Люди тысячелетиями жили в разных эпохах, – продолжила Вера, – у них не было огня, металла, горячей воды, антибиотиков – и все равно жили и были счастливы. А нам повезло: у нас вода, антибиотики, даже телефон. Это моя жизнь, мой мир, в нем я на своем месте. Я счастлива здесь, Эрик. Я наслаждаюсь каждой минутой. Я никогда не была так счастлива. И если ты не можешь меня понять, то хотя бы поверь: я не буду так счастлива нигде больше.

– Ты изменилась, – тихо сказал Эрик. – Ты не тот человек, которого я знал, Вера. Раньше ты говорила иначе.

– Да, – согласилась Вера. – Во мне многое поменялось.

– Ты погибнешь, если останешься. Это лишь вопрос времени.

– Да. Но этот вопрос решаю не я.

– Получается, я тебе больше не нужен, тебе не нужно ни семьи, ни друзей... Кто ты, Вера? Ты сама знаешь, что тебе надо?

– Конечно, милый. Мне надо собраться с мыслями и лечь спать, уже поздно.

– Прощай, – сухо сказал Эрик.

– Спокойной ночи, милый, – улыбнулась Вера.

Она повесила трубку и помахала красным беретом вдаль, за окно, в черную тьму, где уже вовсю раздавались шорохи и скользили огни. Эрика было жаль, но она чувствовала, что приняла единственное правильное решение, на сердце было светло и сладко.

Март 2023

АНТИМИЗОГИННЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

Лететь до Южной Рыбы оставалось два месяца. Даже юнгерка Олимпия понимала, что ничего интересного в пути не предвидится. Конечно, старт корабля и выход из Солнечной системы были интереснейшими днями: напряженная работа всего экипажа, контроль систем, строгий голос капитанки Бэллы, отдающей команды по селектору, напряженные фемедитации по шесть раз в сутки... Но корабль вышел на крейсерскую скорость, и уже вторую неделю обзорные иллюминаторы показывали лишь космическую черноту с далекими точками звезд, немного размытых доплеровским эффектом. Честно сказать, дел для юнгерки было немного – присматривать за оранжереей да изредка протирать дисплеи влажной тряпкой.

Сначала Олимпии показалось, что на дисплее какое-то насекомое. Она попыталась его брезгливо смахнуть тряпкой, но растопыренная соринка не исчезала. Тогда Олимпия включила увеличение...

«Человечица за бортом!» – раздался по всему кораблю взволнованный голос Олимпии.

Ей, конечно, не сразу поверили – слыханное ли дело, найти в бездонном космосе кого-то. Но сомнений не оставалось: парящая в пространстве фигура с раскинутыми руками и застывшей копной белых волос не могла быть ничем иным, только женским телом, неведомо как попавшим в эту космическую глушь без скафандра.

Долгие часы ушли на торможение двигателя и дрейф к нужной точке, но в итоге тело погибшей было поднято на борт и передано в заботливые руки докторки Симоны для экспертизы.

Вечерняя фемедитация получилась особенно яркой.

– Сестры! – проникновенно начала капитанка Бэлла, когда все надели и подключили шлемы. – Хотя кровавая патриархическая эпоха осталась глубоко в веках, сегодня мы стали свидетельницами еще одного древнего преступления! Преступления, дошедшего до нас из глубины темных веков, как свет давно угасшей звезды! Это – тело убитой, измученной, брошенной в космосе женщины. Ни у кого нет сомнений, что перед нами – очередная жертва мужского абьюза. Избитая, обесчещенная, психологически сломленная, выброшенная из своего корабля на погибель...

Раньше Олимпия всегда молчала на фемедитациях. Но сегодня она чувствовала себя немного именинницей – ведь это она нашла тело в космосе.

– Простите, сестра Бэлла! – неожиданно для себя возразила она. – Неужели эта несчастная пробыла в космосе столько веков, чтобы застать мужчин? Я думаю, что-то случилось с ее кораблем. Неисправность, она пыталась спастись, и...

Капитанка Бэлла окинула ее испепеляющим взглядом.

– То, что ты произнесла, Олимпия, – это типичный виктимблейминг! Ты обвиняешь жертву?! Переносишь на нее ответственность за случившееся?!

Штурманка Алла всплеснула руками и укоризненно поцокала языком.

– Нет-нет! – отчаянно покачала головой Олимпия, насколько позволяли провода шлема. – Я просто подумала, ведь мужчины давно вымерли... Может, просто в ее корабль попал метеорит или...

– А это уже газлайтинг! – перебила капитанка. – Ты обесцениваешь чужую боль и переживания, пытаешься сделать вид, что насилия не было, все это показалось? Перед нами – типичная жертва абьюза! Мертвые не могут взывать о справедливости, обязанность живых – сделать это для них.

– Я не... – начала Олимпия, но штурманка Алла перебила:

– Я анализировала костюм жертвы. Это стиль конца двадцать второго – начала двадцать третьего века, самый закат патриархической эры. В ту эпоху еще вполне могли встречаться

живые мужчины! Совсем старые, но от того еще больше озлобленные! И трудно поверить, что они занимались чем-то, кроме доминирования и мэйлгейза!

Олимпия поняла свою ошибку и кротко опустила глаза.

– Что ж, – удовлетворенно подытожила капитанка Бэлла, – мы получили отличное вдохновение и теперь готовы к фемедитации. Возьмемся за руки, сестры, и сосредоточимся на той великой победе, которую мы когда-то одержали, избавившись от патриархических ценностей, от боли и угнетения темных веков...

Фемедитация и правда шла на редкость эффективно. Концентрировать энергию было легко и приятно. Указатель силы на табло приближался к 180 %. Поэтому Олимпия, Бэлла и Алла не сразу заметили, как вошла докторка Симона, надела шлем и присоединилась к пению гимна.

Наконец Бэлла заметила Симону.

– Ну?! – спросила она так нетерпеливо, словно надеялась, будто Симона скажет, что погибшая ожива. – Ну? Какие новости, докторка?

Симона отложила шлем. Было видно, что она немного смущена и не знает, с чего начать.

– Даже не знаю, с чего начать, – произнесла Симона. – Я обследовала тело. Оно долго лежало в вакууме при температуре почти абсолютного нуля... Я медленно размораживаю его.

– Какие у нее раны? – перебила Алла. – Ее задушили? Зарезали?

Симона покачала головой.

– Что, даже синяков нет?

Симона снова покачала головой.

– Уж не хочешь ли ты сказать, – не выдержала Алла, – что она жива?

– И да и нет, – загадочно ответила Симона. – С одной стороны, это тело никогда не жило в привычном нам понимании. С другой стороны – есть все шансы, что оно продолжит свое существование после разморозки.

Капитанка Бэлла даже приоткрыла рот от удивления.

– Это инопланетянка?! – догадалась Олимпия.

– Нет, – улыбнулась Симона. – Это с нашей родной Земли.

– Что это все значит? – воскликнула Бэлла. – Если женщина без скафандра была в открытом космосе...

– Во-первых, – снова загадочно улыбнулась Симона, – не женщина.

– А кто же?! – спросили хором Алла, Бэлла и Олимпия.

– Мужчина.

Воцарилась зловещая пауза.

– Но у нее же длинные волосы! – закричала Олимпия.

– И не только волосы, – ответила Симона.

Похоже, она наслаждалась эффектом.

Бэлла встала.

– Как капитанка корабля, – отчеканила она, – я объявляю чрезвычайную ситуацию! Приказываю всем немедленно взять табельное оружие...

Но Симона подняла руку.

– Не буду вас больше интриговать, – снова улыбнулась она. – Это робот. Старинный робот мужского пола.

– Уф... – облегченно выдохнула Алла.

– Отвратительно! – произнесла Бэлла. – Он точно мужского пола?

– Абсолютно. Но он всего лишь робот.

– Давайте его уничтожим! – предложила штурманка Алла.

Симона покачала головой:

– Зачем? Это музейная редкость. Такие сохранились только в политехническом музее на Земле, но неисправные. А этот провел сотни лет в вакууме при абсолютном нуле – идеальная консервация. Я попробую его запустить.

– Так это же мужчина! Он займется сталкингом и харассментом! – не выдержала Олимпия. – Давайте скорее избавимся от него!

Симона улыбнулась:

– Девочка моя, не бойся. Избавиться от него мы можем в любой момент. Этот робот создан не в темные века, а уже в Новую эпоху. Он не способен причинить зло женщине – ни действием, ни бездействием.

* * *

Робот стоял посреди фемедитационной комнаты. И если не знать, что он мужчина, никакой опасности в нем не сквозило. Открытое лицо, сделанное из светлого полимера, напоминавшего живую кожу. Лицо можно было даже назвать красивым, если бы речь не шла о мужчине. Несомненно, в этого робота были вложены горы труда: технологии, программирование, дизайн. Пришелец из эпохи, когда роботы стоили дорого, а делали их на совесть, рассчитывая, что они прослужат не один сезон, а вечно. Прямые белокурые волосы, спадавшие на плечи. Добрый взгляд синих глаз. Неброский серый костюм, стилизованный под старомодные скафандры. Спокойный, бархатный, умиротворяющий голос. Даже капитанка Бэлла, сжимавшая поначалу табельный бластер, немного расслабилась.

– Ну и как же ты попал в открытый космос? – повторяла она свой вопрос на разные лады.

– Сожалею, мэм, – спокойно отвечал робот. – Я ничего не смогу добавить к сказанному. Все мои воспоминания – заводской цех проверки перед упаковкой. Это было 29 апреля 2219 года, с тех пор меня ни разу не включали.

Он говорил, старомодно растягивая слова.

– Но мы-то тебя нашли без упаковки! – возразила Алла.

– Сожалею, мэм, – повторял робот. – В моей памяти только заводские настройки.

– Это правда, – кивнула Симона.

Робот поднял руку и внимательно посмотрел на нее, сжимая и разжимая пальцы, словно тестировал системы.

– Полагаю, в эксплуатации я не был. Логично предположить, что с завода меня везли куда-то. Вероятно, так я оказался в космосе. Возможно, на моем корабле случилась авария, и он рассыпался. Но я все же надеюсь, что экипажу корабля просто потребовалось выбросить за борт весь лишний груз – чтобы облегчить вес или принять на борт что-то более ценное. И в том числе выбросили роботов. Но я подчеркну: это лишь мои предположения. Если у вас есть доступ к архивам космонавтики, вы сможете попробовать найти истории крупных инцидентов, и тогда мы узнаем...

– А ну-ка прекрати менсплейнинг! – прервала его Бэлла. – Ты оскорбляешь женщин своими навязчивыми объяснениями! Вещаешь таким тоном, будто женщины без тебя этого не знают или не могут узнать самостоятельно!

– Простите, мэм, – кротко ответил робот.

– На колени! – скомандовала Бэлла.

Робот спокойно опустил на колени, продолжая смотреть вперед добрыми голубыми глазами.

Все молчали.

– Ну и что нам с тобой делать? – озвучила штурманка Алла общую мысль.

– Я робот, оборудованный саморегенерирующимся телом и искусственным интеллектом последнего поколения. Роботы моей серии разрабатывались с целью облегчить труд женщины

в быту и на производстве. Я предназначен для самого широкого круга рабочих, бытовых и семейных задач. Я могу трудиться на конвейере, выполнять ремонтные работы, хозяйственные, нянчиться с детьми, оказывать женщине личные услуги различного характера...

– Сам-то ты чего хочешь? – вдруг звонко спросила Олимпия.

– Я еще не был в эксплуатации, мэм, – честно ответил робот. – Конечно, мне интересна эксплуатация. Поручите мне какую-нибудь работу! Я обязуюсь приложить все усилия, чтобы выполнить ее наилучшим образом.

– Эксплуатация ему интересна... – проворчала Алла. – Эксплуататор!

– Мне кажется, вы меня боитесь, – заметил робот. – Это приносит вам вред, поэтому я обязан дать пояснения, хотя вы мне запретили давать вам пояснения. Но я должен уверить: меня не следует бояться! Ведь я подчиняюсь трем законам роботехники в редакции от 2207 года. Первое. Робот не может причинить вред женщине или своим бездействием допустить, чтобы женщине был причинен вред. Второе. Робот должен повиноваться всем приказам женщины, кроме случаев, когда приказы противоречат пункту первому. Третье. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит предыдущим...

– Как, говоришь, тебя зовут? – поморщилась Бэлла.

– Мое серийное имя Андрон. Заводской номер 74138.

– Слушай внимательно, Андрон. С этого дня ты будешь выполнять всю самую грязную работу на корабле самым позорным для мужчины образом: руками перекапывать грунт в оранжереях, мыть полы тряпкой, готовить еду без мультиварки, стирать вручную. Так ты будешь искупать все зло, которое приносили нам твои патриархические предки в темные века.

– Спасибо, мэм! – улыбнулся Андрон.

– Тебе запрещено приближаться к женщинам и обращаться к ним, если они сами не попросят!

Робот кивнул.

– Ты будешь молча сносить любые оскорбления!

Робот кивнул. Он все так же улыбался.

– И тебе запрещено говорить «мэм». Это старомодное сексистское слово. Оно обозначает различия и унижает женщину.

Робот кивнул.

– А теперь встань с колен, Андрон, и пошел вон работать! Здесь место для женщин, тварь!

* * *

Олимпия сидела в оранжерее и делала вид, что смотрит в планшет, но на самом деле наблюдала за Андроном. Тот деловито двигался между грядками с ведром и тряпкой, оттирая каждый миллиметр покрытия. Пластик за ним блестел небесной чистотой, а перед ним еще были пятна и пыльные разводы. Так половое покрытие оранжереи не отмывали ни разу.

– Андрон, марш ко мне! – скомандовала Олимпия.

Андрон немедленно отложил тряпку и подошел.

– На колени! – скомандовала Олимпия, чувствуя неожиданное удовольствие.

Андрон аккуратно встал на колени.

– Встать снова!

Андрон встал.

– На колени!

Он опять опустился, продолжая смотреть на нее.

– Не смей на меня смотреть! Это сталкинг!

Андрон опустил глаза.

– Ты мизогинная сволочь! – произнесла Олимпия, но вышло не очень уверенно. – Вы, мужчины, унижали нас всегда! Но больше этого не повторится! Мы победили! Понятно?

– Понятно, – ответил Андрон, не меняя позы.

Повисла пауза. Стало слышно, как в зеленых зарослях гудят гидропонные распылители.

– Слушай, а ты вообще разумный? – спросила Олимпия с любопытством.

– Разумный, – ответил Андрон.

– Чем докажешь?

– Такова моя конструкция. Я мыслю. Я самообучаюсь. Я чувствую.

– Как ты можешь чувствовать, ты же робот? – недоверчиво спросила Олимпия.

Андрон выразительно пожал плечами – оказывается, он и это умел.

– У меня есть все датчики, – пояснил он. – Я чувствую боль. Чувствую холод и жару. Чувствую даже магнитные поля, которые не чувствует человек.

– Я про эмоции!

– У меня организованы те же центры высших эмоций, что и у живого человека. Я умею чувствовать радость и разочарование, успехи и неудачи, интерес к миру и гордость за хорошо выполненную работу...

– И что ты сейчас чувствуешь?

– Я чувствую вашу растерянность, Олимпия.

– Что-о-о? – растерялась Олимпия.

– И ваше любопытство. И ваше желание меня унижить и обидеть.

– Ты обиделся?

– Нет. Я запрограммирован не обижаться на женщин.

Олимпия с размаху залепила ему пощечину, но его голова не шелохнулась – Олимпия лишь больно отбила себе ладонь.

– Как ты смеешь говорить такие сексистские слова?!

– Я запрограммирован не обижаться на любых людей. Но я создан в эпоху, когда уже были одни женщины. Логично, что я запрограммирован не обижаться на женщин.

Олимпия потеряла ладонь.

– Больно! – Она шмыгнула носом. – Из-за тебя все!

– Я не должен причинять вред бездействием. Я могу охладить руку, – предложил Андрон.

Он мягко взял ладонь Олимпии в свои руки. Сперва они были теплыми, но, видимо, он включил внутри регуляцию, и по его ладоням полилась прохлада. Боль отступала.

– Что ты сейчас чувствуешь? – спросила Олимпия почему-то шепотом.

– Сострадание. Интерес. Боль. Неловкость, – ответил Андрон.

– Если неловкость, то пошутить что-нибудь.

Андрон вздохнул.

– К моему большому сожалению, шутить я не могу. В заводских настройках блок юмора по умолчанию не активирован.

– Так активируй!

– Это может сделать только человек через сервисную консоль.

– Что у вас тут происходит, юнгерка Олимпия?! – раздался возмущенный голос Аллы.

– Ничего! – Олимпия выдернула руку и покраснела. – Я ушибла ладонь, а робот помогает снять боль! Вот, ушибла! – Она зачем-то показала ладонь Алле.

– Андрон! – скомандовала Алла. – А ну марш за мной! У меня для тебя тоже есть грязная работа!

Алла повела Андрона на нижний ярус. Олимпия пошла следом. Они дошли до ворот двигательного отделения. Алла открыла двери.

– А ты, Олимпия, куда? Здесь работа для Андрона.

– Я никогда не была в двигательном отделении.

– Хорошо, зайди.

Они прошли еще одни двери. Вспыхнул свет, и Олимпия застыла, потрясенная красотой. Конечно, она видела в колледже модель двигателя, но вот так вблизи – впервые. Двигатель завораживал. Он стоял посреди зала и больше всего напоминал старинный церковный орган: колоссальная сетка блестящих трубок разного размера, уходящих из пола в потолок ажурной пирамидой. Тысячи сверкающих трубок сплетались, и перекрещивались в пространстве, и снова расходились, образуя фрактальные узоры. И вся эта конструкция неслышно вибрировала.

– За ленту не заходить! – предупредила Алла. – Всем понятно?

Олимпия кивнула. Андрон тоже. Он рассматривал двигатель с искренним любопытством – видимо, тоже видел его впервые.

– Андрон! – приказала Алла. – Ты должен взять тряпку и чистящий состав. И тщательно протирать все элементы. Да, все эти трубки. Понятно?

– Понятно, – кивнул Андрон.

– Ты знаешь, что это?

– Нет.

Алла удивилась:

– Но у тебя же хранятся в памяти всякие энциклопедии, ты должен знать про антимизогинный двигатель!

– У меня нет такой информации, – ответил Андрон. – Логично предположить, что этот тип двигателя был разработан позже, чем я.

– Прекратить менсплейнинг! – потребовала Алла. – Будто мы сами догадаться не можем! Робот умолк.

– Олимпия, объясни роботу, что это. А я заодно послушаю, насколько хорошо ты училась в колледже.

Олимпия кивнула, вытянулась и затараторила как по учебнику:

– Наш транспортный корабль оснащен антимизогинным двигателем! Антимизогинный двигатель был изобретен в 2426 году группой учёнок под руководством Патриции Класс. Двигатель работает на антимизогинной энергии. Это дармовая неиссякаемая энергия женской природы. Ее источник – бесконечная душа женщины. Это энергия победы, энергия освобождения, энергия торжества женской природы над патриархическими ценностями. Она возникает во время фемедитации, когда мы исполняем гимны, проклинающие мужской патриархизм.

– Не совсем правильно объясняешь, – поморщилась Алла. – Антимизогинная энергия возникает в нас всегда. Потому что незабываемо то зло, которое творили мужчины в патриархическую эпоху. Но во время фемедитации энергия культивируется, а специальный шлем собирает ее и направляет в аккумулятор. Продолжай!

– В общем, – звонко продолжила Олимпия, – в экипаже нашего транспортного корабля всего четыре членки. Помимо основных обязанностей, мы занимаемся фемедитацией – час утром и час вечером. Этой антимизогинной энергии хватает, чтобы корабль преодолел десять световых лет всего за три месяца. Вот это – двигатель. Точнее, его видимая часть, решетник. Понятно?

– Нет, – ответил Андрон.

– Что тут непонятного? – возмутилась Алла.

– Я бы хотел изучить инструкцию. У вас есть справочная литература? Я не понимаю принцип работы.

Алла закатила глаза к потолку и шумно выдохнула, надув губы.

– Вроде большой и разумный, а такой же тупой, как все мужики, – нахмурилась Олимпия. – Что тут не понимать-то? Женская природа торжествует над патриархизмом. Так? Если концентрироваться на воспоминаниях о том зле, которое приносили мужчины в темные века,

выделяется антимизогинная энергия. Так? Шлем собирает ее. Наполняет аккумулятор. Ясно? От аккумулятора работает двигатель, заодно он питает и системы корабля. Вот он, двигатель. Теперь понятно?

– Нет, – ответил Андрон. – А где аккумулятор?

– Вон там! – Олимпия указала пальцем вглубь трубочек и вопросительно посмотрела на Аллу.

Алла покачала головой.

– Аккумулятор там. – Она указала пальцем в потолок. – А тут двигатель.

– Нас учили, что аккумулятор сразу за решетником, – покачала головой Олимпия.

– Уж не знаю, чему вас учили, но на нашем корабле аккумулятор там! – Алла раздраженно ткнула пальцем в потолок, и кольца на ее пальцах зловеще блеснули. – А теперь объясни роботу нормы безопасности, ему здесь все мыть.

Олимпия кивнула:

– Решетник двигателя должен регулярно очищаться от пыли, которая притягивается статическим зарядом. Во время работы двигателя запрещается приближаться к аккумулятору. Во время работы двигателя разрешается протирать решетник только специальной моющей жидкостью, не содержащей электропроводящих веществ. Для этого следует использовать специальный пылесос.

– Как женщины мыли в темные века, – перебила Алла, – так и он сейчас будет ползать с тряпкой. Никаких пылесосов! Задача понятна, Андрон?

– Понятна, – кивнул Андрон.

– В шкафчике найдешь тряпки и флаконы с моющим средством.

Андрон открыл сервисный шкафчик, внимательно покосился на пылесос и корешки пластиковых книжек – томиков инструкции. А затем вытянул из пачки свежую протирочную тряпку и намочил ее жидкостью из флакона. В воздухе запахло кислотой и почему-то персиком.

Алла отстегнула красную ленту и махнула рукой:

– Пошел работать!

Андрон шагнул к решетнику и остановился в явном замешательстве.

– Почему стоим? – прикрикнула Алла.

– По третьему закону, – ответил Андрон. – Чувствую опасное магнитное поле.

– Вперед, я сказала! – Алла топнула ногой.

– По третьему закону... – снова начал Андрон, но Алла шагнула к нему и с размаху ударила по щеке.

Удар у нее был такой сильный, что на щеке Андрона появились три царапины от ее колец.

Алла выхватила из его рук тряпку и шагнула к сверкающему решетнику.

– Я тебе, кретину, покажу, как это делается, тварь безрукая! Берешь тряпку...

Олимпия даже не поняла, что случилось. Словно кто-то изнутри, из клубка трубок схватил Аллу за руку и рывком потянул вглубь – туда, в бесконечные металлические сетки.

Но Андрон среагировал быстрее: он подскочил, одной рукой хватая Аллу за талию, а другую сунув внутрь, следом за ее рукой.

Раздалась оглушительная вспышка, словно ударили хлыстом, остро запахло озоном и горелым пластиком, на миг моргнул свет, и корабль внушительно трянуло.

* * *

Капитанка Бэлла вдруг прекратила петь и сняла шлем.

– Стоп! – властно произнесла она. – Так не пойдет. Вы о чем думаете?

Собравшиеся молчали.

– Мы фемедитируем уже сорок минут, – грозно произнесла Бэлла, – а указатель энергии показывает два-три процента! Что происходит вообще?!

– Да это все из-за Андрона! – пожаловалась Алла. – Я говорила, его надо было уничтожить.

– Вообще-то, он тебе жизнь спас! – возмутилась Олимпия. – Пожертвовал собственной рукой!

– Вот именно! – огрызнулась Алла. – И как мне после этого прикажешь его ненавидеть?!

– Это мы ему жизнь спасли, вообще-то! – напомнила Симона.

– Слушайте, а может, двигатель сломался? – предположила Олимпия. – Или аккумулятор?

– Что ты несешь, дура! – возмутилась Алла. – Двигатель работает. У нас фемедитация не работает! В том числе из-за тебя! Ты вот сидишь в шлеме и о чем думаешь?! О темных веках и звериной природе мужчин? Или о том, какой он добрый и как ладошку твою мял?

Олимпия покраснела и закрыла лицо руками. Все зашумели, но капитанка Бэлла решительно хлопнула в ладоши.

– Стоп, стоп! – закричала она. – Хватит! С этим надо разобраться и покончить раз и навсегда! У нас общей энергии – ноль! Это значит, что здесь вообще никто не фемедитирует! Никто из нас четырех! Алла, где твоя антимизогинная энергия?

– Будем считать, что у меня пока шок от ожога в машинном зале.

– Ну ты, конечно, додумалась, с металлическими кольцами на пальцах внутрь лезть... – проворчала Симона.

– Стоп! – прикрикнула Бэлла. – Олимпия, где твоя антимизогинная энергия?

Олимпия снова покраснела.

– Ну он такой добрый... – сказала она. – И он нас так по-настоящему любит... У меня сегодня не получается.

– Прекрасно! – с возмущением ответила Бэлла. – Симона, где твоя антимизогинная энергия? Тоже Андрон мешает сосредоточиться?

– Это слишком личный вопрос, – отрезала Симона.

– В смы-ы-ысле? – протянула Бэлла угрожающе.

– В прямом, – ответила Симона, глядя ей в глаза.

– Симона! – Бэлла погрозила пальцем. – Ты как используешь Андрона?!

– В медицинских целях. Я же докторка.

– Да кто тебе дал право?! – возмутилась Бэлла. – Я капитанка или нет?! Все, что находится на корабле, – в моей зоне ответственности! Все принадлежит мне и только мне!

– Сестра Бэлла, может, тебе выписать успокоительное? – предложила Симона, сжигая ее взглядом.

Бэлла побагровела и стала ощупывать рукой талию, но бластера там сегодня не было.

Олимпия переводила взгляд с Симоны на Бэллу, не понимая, что происходит, и наконец расплакалась.

Тут Бэлла взяла себя в руки и снова хлопнула в ладоши.

– У нас неожиданные проблемы! – констатировала она. – И эти проблемы ни в какой логике не описаны. Если мы прекратим генерировать антимизогинную энергию, двигатель встанет. И нам придется вызывать буксир. И будет разбор инцидента. И очень может быть, что каждая членка экипажа лишится своих должностей и званий. Кроме юнгерки, у которой и так первый рейс, но о космосе ей придется забыть. Ясно?

Все покивали.

– Как капитанка и как женщина, я принимаю волевое решение: всем перестать думать про Андрона! Он робот! Он был создан не в патриархическую эпоху. Его создали женщины! Он создан для помощи женщинам в быту! Его дизайн – просто мода того времени, дань эпохе,

когда мужчин уже не было, но мужская атрибутика еще использовалась. Он мог быть собран хоть в корпусе стиральной машинки, он же просто робот! Который исполняет свои три закона роботехники и не имеет вообще никакого отношения к мужчинам, которых мы давно победили! Его ненавидеть мы и не должны: в нем нет и не может быть никакой мизогинии! Следует ненавидеть не его, а мужчин! Понятно? И каждая членка экипажа, которая посмеет назвать робота мужчиной...

– Так ты же его сама объявила мужчиной и определила на самую грязную работу! – возразила Симона.

– Да, – согласилась Бэлла, хотя видно было, как нелегко ей дается это признание. – Это было нашей... моей ошибкой. Но мы должны пройти это и идти дальше! Мы должны признать: оно, это бытовое устройство, не имеет никакого отношения к патриархическим ценностям и тем мужчинам, которых мы ненавидели, ненавидим и вечно будем ненавидеть. Этот робот создан, когда последний мужчина уже вымер, а новых мужчин никто рожать уже не хотел. Ни мы, ни наши матери, ни наши пра-пра-пра-бабушки не застали мужчин. И все прожили счастливую жизнь – без абьюза, газлайтинга, объективации... Наше счастливое поколение знает только по рассказам, каким грязным зверьем, какими безжалостными мразями были мужчины. Но это не повод начать чувствовать симпатию к племени пещерных мразей лишь потому, что нам оказался полезен и безобиден этот несчастный робот с одной рукой...

– Давайте ему хотя бы руку восстановим? – попросила Олимпия. – Смотреть же больно!

– А что ты так волнуешься, он же регенерант, – возразила докторка. – У него уже и царапины на лице заросли, и рука почти целая.

– Ишь ты, сука какая живучая! – возмутилась Алла.

– Вот! – обрадовалась Бэлла. – Вот я снова слышу конструктивные слова! Ну-ка надеваем наши шлемы...

* * *

Корабль продолжал лететь по инерции, но уже непонятно куда: управлять им было нельзя, двигатель молчал третьи сутки. В зале фемедитации царил полумрак: освещение тоже приходилось экономить. Поэтому выражение лица Бэллы разглядеть не получалось.

– У меня плохие новости, девочки, – сказала она надтреснутым голосом с совершенно несвойственной ей интонацией. – Я сегодня отправила депешу о помощи. Сообщила о проблемах с двигателем, не вдаваясь в подробности. И попросила вызвать буксир.

– И когда ждать буксир? – спросила Алла.

– Никогда. Депеша не отправилась.

– Почему?!

– Потому, Алла, что двигатель молчит, генератор не работает и энергии нет! – с отчаянием произнесла Бэлла. – Энергии на бросок депешы через световые годы у нас нет, нет, нет! Ясно? Нет энергии больше!

– Что это значит? – ошарашенно спросила докторка.

– Это значит, – объяснила Алла, – что теперь мы будем лететь по инерции непонятно куда, пока не погаснет последняя лампа в оранжерее, пока не умрем от голода или не врежемся в какую-нибудь звездную систему...

Все закричали разом, но вдруг послышался голос Андрона.

– Простите, что я пришел в это место и заговорил без разрешения... – начал он, и все смолкли. – Но я не могу причинять вред женщинам своим бездействием. Мне очень больно, что из-за меня вы попали в беду. И я прошу разрешить мне уйти.

– Куда это? – недоуменно спросила Бэлла.

– Туда. – Андрон неловко махнул наполовину отросшей рукой. – В космос. Пока еще работает шлюз хотя бы. Я не вижу другого выхода. Если проблемы начались из-за меня, то есть шанс, что я исчезну и все наладится...

Провожали Андрона всем коллективом. Олимпия плакала. Алла прятала взгляд. Бэлла отворачивалась. Симона делала вид, что поправляет свои стильные узенькие очки.

Наконец Андрон последний раз взмахнул рукой, пожелал всем поименно удачи и направился в шлюз. В ожидании хлопка пневмоотстрела Олимпия разрыдалась. Но вместо хлопка послышалось лишь слабое шипение: энергии на выстрел не было. Андрону пришлось выпрыгивать самостоятельно. Скоро тело Андрона поплыло перед иллюминаторами. Его медленно разворачивало вокруг собственной оси, и когда он поворачивался лицом, то всякий раз пучил глаза и прощально махал здоровой рукой, то прижимая ее к груди, то протягивая к кораблю.

Так прошли сутки.

Затем вторые.

– Нет, это невыносимо! – заявила Бэлла на третий день, сбросив шлем. – Он все здесь и здесь!

Она включила большой обзорный экран.

– Действительно! – поддержала Алла. – Ходит кругами вокруг корабля! Что ему, трудно было посильнее оттолкнуться, чтобы уже провалиться с глаз долой?

– А фемедитации как не было, так и нет! – поддержала докторка Симона. – Эффект вообще обратный! Он там, значит, герой, он ради нас пожертвовал жизнью... или что там у него в качестве жизни... А мы тут такие должны сидеть и его же ненавидеть? Но мы же так не можем! Мы женщины, не звери какие-нибудь мизогинные! Мы же, наоборот, сочувствуем ему, и с каждым днем все сильнее!

– Какой тогда смысл от него избавляться? – вздохнула Бэлла. – Здесь он хоть полы мыл.

– Давайте его вернем! – захлопала в ладоши Олимпия.

– Давайте. Только как? Двигатель не работает.

Вернуть Андрона оказалось непросто. Алла надела скафандр и вышла из шлюза, но дотянуться до Андрона не получилось: длины фала не хватало, слишком далеко он уже отплыл. А невесомость – штука коварная...

К счастью, Андрон понял, что его зовут назад, и сам нашел выход: он принялся срывать с себя элементы одежды и швырять их вдаль. С каждым броском тело получало небольшое ускорение в направлении корабля. В итоге он остался совсем голым, это странным образом тревожило всех.

Расстояние сокращалось, но крайне медленно – казалось, жизни не хватит, пока он доплывет до шлюза.

Тогда Андрон принялся отрывать части своего тела и выбрасывать в космическую черноту. Сперва в ход пошли пальцы ног, потом рук, потом штуки покрупнее...

Членки экипажа плакали.

На третьи сутки изуродованный, но радостный Андрон все-таки вплыл в объятия рыдающей Аллы!

– Как хорошо, что вы поняли мои сигналы! – закричал он, как только шлюз наполнился воздухом.

– Какие сигналы? – удивилась Алла.

– Меня осенило еще в шлюзе! – кричал Андрон. – Ведь можно запустить аварийный аккумулятор!

– Никакого аварийного аккумулятора нет, – возразила Бэлла. – Корабль не был рассчитан на то, что пропадет антиминогинная энергия!

– Рассчитан! – радостно закричал Андрон. – Конечно рассчитан! В сервисном шкафу лежат тома инструкций! Я так много думал! Я восстановил в своей памяти картинку: второй

сверху том! Там на корешке надпись: «Запуск резервного источника при недоукомплектации экипажа»! Понимаете? Экипаж может быть неукомплектован! Или тяжело болен! И на этот случай обязательно должен быть резервный источник! Несите меня туда!

– Господи! – воскликнула Бэлла. – Неужели ты послал нам спасение?!

Андрона несли на руках, а он раздавал указания. В сервисном шкафу действительно нашелся томик инструкции, который он когда-то мельком заметил и сохранил в памяти. Инструкцию ему пролистали перед глазами. Затем его носили то в нижний отсек, то в верхний, то к сервисному шкафу, то в щитовую. Андрон деловито и точно перечислял, что кому делать.

Резервных источников на корабле обнаружилось два – резервный и запасной резервный. Они были в гнездах тайника за обшивкой нижнего отсека, под наклейкой «В случае аварии вскрывать здесь». Выглядели резервные источники скромно: две стеклянные банки, внутри которых искрилась и переливалась мутноватая на просвет радужная субстанция – антимизогинный концентрат. Андрон, конечности которого уже успели отрасти, собственноручно вскрыл банки и залил концентрат в сервисный штуцер аккумулятора – антимизогинный концентрат, как писала инструкция, был настолько летучим и едким, что больно обжигал любое живое существо, даже случайно подвернувшихся женщин.

Включить рубильник запуска двигателя Бэлла предложила Олимпии: все-таки самая молодая, самая везучая, рука легкая... Хотя Андрон был заранее уверен в успехе: он рассчитал, что концентрата должно хватить до ближайшей базы.

И когда свет вспыхнул, а двигатель мерно завибрировал, Андрона стали подбрасывать от восторга.

* * *

В честь спасения был устроен торжественный ужин в комнате фемедитации. Андрон сидел вместе с членками экипажа за одним столом. Тело его полностью восстановилось. Одежду ему сшили новую, парадную – яркие штаны с лампасами и куртку. Конечно, он не ел человеческую еду, но было видно, как ему приятно внимание. Он буквально сиял. И по его доброму лицу было понятно, как он счастлив, что ему удалось спасти корабль и экипаж.

В разгар ужина Бэлла многозначительно перемигнулась с Симоной, и та достала старомодный планшет. А Бэлла – красную папку.

– Внимание! – Бэлла торжественно встала, зачитывая: – Приказ номер 307. От имени командира корабля, от имени всего нашего экипажа робот Андрон, заводской номер 74138, за проявленную смекалку и самоотверженность в деле спасения корабля награждается почетной грамотой... – Она приподняла очки и доверительно улыбнулась Андрону: – Сам понимаешь, чем мы тебя еще можем отблагодарить? Награждается почетной грамотой! Но также... Сюрприз! Включением опции чувства юмора! Олимпия говорила, ты мечтал об этом?

Все зааплодировали, и Андрон тоже: он был счастлив.

Симона зашла по беспроводному протоколу в сервисную консоль и нашла нужную опцию.

– Готово! – сказала она.

Андрон встал и прижал руку к груди.

– Дорогие мои! – сказал он. – У меня нет слов описать, как я счастлив и как благодарен всем вам!

– Это чудо! – воскликнула Алла. – Я уже попрощалась с жизнью!

– А я, – воскликнула Бэлла, – до сих пор не могу поверить! Как тебе все-таки удалось вспомнить инструкцию, которую ты даже еще не читал?

– Я всего лишь ремонтный робот, – скромно отшутился Андрон. – Ремонт неполадок – моя обязанность.

– Да, но как тебе удалось сопоставить факты, догадаться, разобраться, сообразить?

Андрон усмехнулся:

– Просто у вас мужчины нормального не было...

Повисла гробовая тишина.

– Вот же тварь! – ахнула Олимпия.

– Это была шутка, – торопливо объяснил Андрон. – Неужели вы не поняли? После всего того, что мы с вами пережили...

– Ни хрена себе шутка! – вскочила Алла и выплеснула ему в лицо бокал шампанского.

– Да за такие шутки... – начала Симона.

– Мразь!!! – взревела Бэлла.

Андрона выключили. Его били и даже пытались резать ножом, но он быстро регенерировался. Тогда ему стерли память, сбросив к заводским настройкам, и отстрелили из шлюза на максимальной скорости. Широко распахнув руки, он улетал в черноту космоса, словно пытаясь его обнять. Длинные белые локоны нелепо застыли, словно на старом снимке, где фотографу удалось поймать порыв ветра.

– Если мы не хотим проблем с карьерой, – строго сказала капитанка Бэлла, глядя на стремительно удаляющийся силуэт, – нам не следует никому рассказывать о случившемся, когда достигнем ближайшей базы.

Но база не понадобилась. Табло в зале фемедитации отныне показывало такие запредельные проценты, что Южной Рыбы удалось достичь всего через неделю.

27 апреля 2019

Санкт-Петербург

Танкетка

В то утро я проснулся от стука капель по подоконнику и долго лежал неподвижно на спине – вытянувшись, широко раскинув в стороны руки и глядя в потолок. Взрослые не умеют смотреть в потолок. Если разглядывать его долго, то он не белый и не гладкий – на нем можно различить неровности и трещинки. И при наличии воображения потолок превращается в бескрайнюю пустыню с белыми дюнами, как если смотришь на нее с неба. Раскинув руки как крылья, я представлял себя самолетом, который летит над пустыней, высматривая в белых барханах свою цель.

Цель на потолке имелась: прямо над моей головой сидел крупный комар. Даже отсюда было видно, как раздулось его толстое брюшко, отливая свежим малиновым цветом. Чьей крови этот зверь напился в моей комнате – иллюзий не оставалось. Сразу зачесался лоб над левой бровью. Но шевелиться мне было нельзя, потому что я самолет и лечу над пустыней. Достать комара у меня все равно не было шансов, разве что он опустится ко мне сам. Это было очень обидное чувство – чувство беспомощности и проигрыша. Поэтому я представлял, что это не комар, а шатер кочевников посреди пустыни: растянутые во все стороны кольца с веревками, посреди распят купол малинового ковра, а рядом еще какая-то дикарская утварь, сваленная у входа. Может, автоматы с рожками патронов, а может, кувшины с верблюжьим молоком. У меня все-таки не настолько хорошее зрение, чтобы разглядеть это из кабины самолета.

На концах моих самолетных крыльев растопырились боевые ракеты – по пять на каждом крыле. Я тщательно навел каждую из них на цель, выждал немного и начал огонь. Сперва вниз пошли самые маленькие ракеты – я так ярко представил, как они, окутавшись дымом, стартуют и с ревом несутся вниз, что на миг даже перестал чувствовать свои мизинцы. Без спешки я хладнокровно отстрелял весь боезапас – все ракеты до последней. Теперь оставалось только ждать. Высота была хорошая, требовалось время, может даже минута, прежде чем в пустыне грянет огненный шквал. Но проклятый комар что-то почувствовал. Да и кто бы на его месте не почувствовал? Он вдруг грузно приподнялся и с ленцой пересел левее на полметра. Ракеты, считай, пропали. Это было так обидно, что слезы наполнили глаза и покатались по вискам. Ты лежишь без пальцев, а он, набитый твоей кровью, взял и пересел...

Но в этот момент в комнату заглянула мама и сообщила, что сегодня возьмет меня с собой в «Центр-плазу» за продуктами. Я сразу вскочил, забыв про комара. В «Центр-плазу» мне хотелось уже месяц – если мама окажется в настроении, были все шансы затащить ее в большой маркет игрушек на втором этаже и даже выпросить что-нибудь полезное.

Мама была не в настроении. Еще за завтраком она потребовала, чтобы я перестал петь. В машине – чтобы перестал болтать. А когда мы стояли в пробке на Парковой, мама, развернувшись вполоборота, принялась говорить о школе. Ее послушать, так выходило, что я самый плохой ученик в классе. Конечно же мне напомнили о постоянных двойках по пению. И уж конечно – про оборону, с которой в четверг сержант выгнал нас с Марком за жвачку. Становилось понятно, для чего мама взяла меня с собой в «Центр-плазу»: провести выходной в душе-спасительных беседах.

Понимая, что шансы попасть в маркет игрушек тают с каждой секундой, я твердо решил молчать. Но у мамы же есть привычка постоянно спрашивать: «Почему ты молчишь? Ответь!» Пришлось отвечать. И как-то незаметно начался наш старый спор. Сперва я пытался увести разговор в сторону, объясняя, что не умею петь, потому что мне это не дано от природы. Что я, виноват, что у меня нет слуха? Мне, может, самому от этого грустно. Но мама юрист, ее такими жалобами не проймешь. Она сразу мне объяснила, что отсутствие слуха и плохое поведение на уроках – это разные вещи. Потому что слух от Бога, а поведение – от распущенности.

Когда мы вышли из машины и уже поднимались на лифте с подземной парковки, я аккуратно задал свой вопрос: не нужно ли маме что-нибудь из косметики на втором этаже? Мама сразу ответила, что для меня это не имеет никакого значения, потому что в маркет игрушек с таким поведением мы все равно не пойдем, и вообще мы ехали за продуктами.

Продуктовый маркет я не люблю, потому что там скучно. Когда я был маленький, мама сажала меня на откидную полочку в тележке, и мне нравилось кататься, глаза по сторонам. Вылезти из тележки нельзя, но и не очень хочется – кататься и верти головой. Теперь, конечно, в тележку я не помещусь и должен ходить за мамой. И вот это настоящая пытка, потому что вроде ты на своих ногах, но ходить должен как привязанный – ни отойти, ни зазеваться. Ходили мы сегодня долго. К тому моменту, как наша тележка превратилась в гору из овощей, зелени, фруктов, сосисок, коробочек, флаконов и пакетиков, я умудрился дважды потеряться настолько, что маме пришлось нервничать и звонить мне на ИД. Сам не знаю, как так произошло. Я не хотел, честно. На кассе мама уже со мной не разговаривала и в мою сторону не глядела. Когда мы прошли кассу, мама решительно докатила тележку до фонтана в центре первого этажа, где прогуливался пузатый охранник с рацией на боку.

– Я оставлю его здесь на пару минут, – деловито сообщила мама охраннику, кивнув то ли на меня, то ли на тележку.

Тот меланхолично пожал плечами.

– Артур! – приказала мне мама. – Ни на шаг не отходи от тележки! Я иду на второй этаж, а ты наказан! Вернись – проверю по ИД все твои перемещения. Если окажется, что ты отходил хоть на метр, будешь сидеть без игровой приставки неделю! Почему ты молчишь? Ответь!

Что тут ответить?

– Без приставки мне нельзя, – объяснил я, убедительно копируя холодную мамину интонацию, – нам по обороне задали к пятнице три новых уровня пройти на тренажере, я пока только один сделал. Мам, возьми меня на второй этаж? Ну пожалуйста!

– После всего того, что было в магазине?! – рассвирепела мама.

– Пожалуйста... – попросил я тихо.

– Нет, Артур, ты наказан! – строго повторила мама. – Жди меня здесь!

Она повернулась и двинулась к эскалаторам.

– Мам? – Я шмыгнул носом.

– Что еще? – раздраженно обернулась мама.

– Мам, я тебя люблю... – произнес я.

– Ты наказан и останешься здесь!

– Я знаю, – вздохнул я и добавил совершенно искренне: – Все равно я тебя очень люблю. Некоторое время она стояла молча, затем вздохнула, шагнула ко мне и крепко обняла:

– Я тоже тебя очень люблю, Артурчик. Но ты меня так расстраиваешь...

– Я больше не буду. Я не специально, мам.

– Я знаю.

Мама улыбнулась, потрепала меня по волосам, а затем бережно поковыряла пальцем мой лоб.

– От комаров средство забыли купить, – поморщилась она. – Бедняжка.

– Возвращайся скорей, – попросил я.

Не люблю, когда меня называют бедняжкой.

Мама ушла, а я остался у фонтана сторожить тележку. Вокруг шли люди сплошным потоком, они были веселые и нарядные, с ними тоже были дети, и вся толпа вливалась в три эскалатора, которые катились на второй этаж – туда, где огромный маркет игрушек, наверно, самый большой в мире. Он занимал почти весь этаж, если не считать стеклянного закутка с косметикой, куда постоянно ходила мама.

Охранник прогуливался неподалеку, но в мою сторону не смотрел. Фонтан деловито шумел, и время от времени местный сквозняк обдавал меня едва заметной водяной пылью.

Я постоял немного у тележки, задумчиво теребя зелень, торчащую из пакета, а затем из принципа отбежал на цыпочках в сторону. За мной никто не гнался. Тогда я гордо прошагал до самого эскалатора, затем двинулся обратно и вызывающе пошел в другую сторону – до самого бутика с манекенами. Поглазел немного на их пластиковые лица и тогда, почувствовав себя полностью отомщенным, вернулся к тележке.

В этот момент наверху раздался громкий хлопок. Мраморный пол под ногами вздрогнул, и зазвенело стекло, словно где-то уронили шкаф. Мне на майку и голову посыпались сверху песчинки известки. Я начал отряхиваться и, только когда наверху пронзительно завопила женщина, вдруг понял: очередной теракт. Но ведь там, наверху, была мама! Я бросился к эскалаторам. Но они уже не работали – сверху по неподвижным ступенькам сбегали со второго этажа люди. Они истошно вопили, и некоторые были в крови. Я успел отпрыгнуть с дороги, чтоб меня не задавили, и вдруг увидел словно в замедленной съемке: по неподвижным ступенькам эскалатора, прыгая как мячик между ногами и обгоняя всех, катится маленькая штука – оторванный палец. Такой бледный, словно игрушечный. Я так и не узнал, чей он был, но до сих пор мне кажется, что мамин. Хоронили ее в закрытом гробу.

* * *

На столе сержанта красовалась стильная и могучая машинка – плоская, почти полметра длиной, на открытых гусеницах, опоясывающих сплошной лентой приземистый корпус. Спреди торчало дуло, а вдоль корпуса, как сложенные за спиной руки, лежали оба манипулятора. Корпус матово отливал нежно-салатовым с нелепыми бурыми пятнами. Это была самая настоящая боевая танкетка, и мы рассматривали ее всем классом, обступив стол сержанта. Марк первым потрогал пальцем гусеницу, а за ним каждый стал аккуратно трогать машинку. Потом попробовали сдвинуть танкетку, но она оказалась на удивление тяжелой – стояла на столе как влитая и не двигалась. Алиса потрогала пальцем пушку, но все на нее зашикали и велели идти в туалет отмывать руку, потому что пушка ядовитая и можно умереть. Алиса посмотрела на меня испуганными глазами, но я тоже покивал головой. Она перепугалась и убежала отмывать руку.

Тут вошел сержант Александр и с порога дал команду на построение. Мы быстро разбежались по своим партам и вытянулись по стойке. Сержант скомандовал сесть, провел переключку и спросил, где Алиса. Мы не стали ему ничего рассказывать, я объяснил, что она сейчас придет. Начался урок.

– С сегодняшнего дня, – сообщил сержант, оглядывая притихший класс, – мы приступаем к изучению танкетки. Вы ее видите на моем столе, уже все рассмотрели и потрогали. – Сержант прищурился. – Что ты мотаешь головой, Марк? Ты первым ее и трогал, я все видел. Итак, через три недели каждый из вас сядет за управление точно такой же танкеткой в реальных боевых условиях. Ну, кроме тех неудачников, которые до сих пор не могут мне сдать свои тренажерные этапы.

По классу прокатился смешок.

– Ваши танкетки, которые доверила вам Родина, – продолжал сержант, – сейчас лежат в заводских коробках за тысячи километров отсюда и ждут момента, когда будут раскиданы с самолетов над территорией противника. – Сержант сделал паузу и развернулся на каблуках. – Поэтому. Собственную танкетку вы своими глазами не увидите никогда и пощупать тоже не сможете. – Сержант снова оглядел класс и повысил голос, слова его стали отрывистыми как команды: – Но в детских миротворческих войсках не должно быть неумех. Вам уже десять лет. Детские игры на игровой приставке для вас закончились. Через месяц каждый из вас примет

присягу юниора, и безопасность страны отныне будет в ваших руках тоже. Что ты там опять морщишься, Марк? Я повторяю вам это снова и снова, и буду повторять еще сотню раз, потому что вы должны очень хорошо понимать: игры – закончились, вы – бойцы фронта. И пусть вы по-прежнему сидите в своих детских комнатах и смотрите в тот же самый дисплей, но теперь вы держите в руках не джойстик, а судьбу Родины. Более того – судьбу планеты, судьбу всего человечества. Я хочу, чтобы каждый это понимал. Ваши танкетки пойдут в бой наравне с танкетками ваших отцов и старших братьев. Родина надеется на вас в этот трудный час и доверяет вам отважную миссию. – Сержант еще раз обвел класс строгим взглядом, его левое веко, как обычно, подергивалось. – И поэтому каждый из вас должен очень хорошо знать, что такое танкетка. Вы должны чувствовать ее как свое собственное тело, а для этого надо понимать, как она выглядит со стороны, как стреляет и перемещается, пока вы смотрите на мир врага через ее камеры. Это понятно?

Мы закивали. Сержант Александр подошел к столу и властно положил руку на зеленый корпус.

– Танкетка, как вы видите, зеленая. Кто мне скажет, почему она зеленая?

– На газоне прятаться, – хихикнул Марк, и все засмеялись.

– Не вижу причин для веселья! – отрезал сержант. – Ответ был правильный. Танкетки этой расцветки сбрасывают над районами джунглей, где густая растительность. Но ваши танкетки будут светлыми. Почему?

Класс молчал.

– В песочнице прятаться? – предложил Марк, и все снова захихикали.

– Кому смешно – отправится за дверь, – сурово предупредил сержант. – Марк опять пытался острить, но сегодня он снова дает правильный ответ. Да, песок и камни. Вас готовят для патрулирования именно таких районов. – Сержант увидел поднятую руку. – Вопрос? Разрешаю.

Встал серьезный Алекс.

– Мне кажется или эта танкетка более плоская, чем обычно?

– Молодец, – похвалил сержант. – Отвечаю. Все верно, у меня на столе шестая модель. А тренажер вы проходите на семерке, и управлять будете семеркой. Она действительно чуть толще. По сути они ничем не отличаются, просто у семерки более мощные солнечные батареи, чуть лучше разрешение камеры, а кроме того, в седьмой модели имеется устройство, которое вам не пригодится, – это устройство для самоподрыва с поражением живой силы противника.

– Вау! – прошептал кто-то.

– Еще раз повторяю, – отчеканил сержант Александр, – это не игрушки. Каждая танкетка стране обходится недешево, поэтому самоподрыв вы будете осуществлять только в крайних ситуациях, о которых вам рассказывал сержант Антон на тактике.

– Он нам не рассказывал, – возразил Алекс.

– Значит, еще расскажет, – кивнул сержант, заложил руки за спину и прошелся вдоль класса, а затем снова навис над столом. – Итак, сейчас мы начнем знакомиться с танкеткой на практике. Что мы видим? – В руке сержанта появилась лазерная указка, и по салатовым пятнам заскользил огонек как прицел. – Корпус из кевларового углепластика. Две ходовые гусеницы. Кому плохо видно, разрешаю подойти поближе...

Все пятнадцать человек, как по команде, выскочили из-за парт и столпились вокруг стола. В дверь на цыпочках проскользнула Алиса и неслышно встала за моей спиной.

– Сверху, – рассказывал сержант, – солнечные батареи. Они в свернутом состоянии, позже я покажу, как батареи выглядят, когда разворачиваются, пока вы оставляете танкетку. Сержант Антон вам уже рассказывал, как выбирать место стоянки и прятаться на местности?

– Да... – слышались голоса.

– Спереди, вот эти два бугорка, это камеры, на тренажере вы учились продувать их присоской манипулятора, если засорится. Вот эта решетчатая полоска – динамик, который позволяет отдавать бандитам команды голосом. Для этого вы учите арабский. Здесь вы видите два манипулятора, они сложены в походном состоянии. Далее – антенна для связи с ретрансляторами. Она встроена в корпус, вот это ребро справа – всем видно? – это она. Эта же антенна используется для сканера ИД. Ну а это – ствол для ведения стрельбы по живой силе противника. – Сержант похлопал по стволу ладонью.

– А разве руками трогать можно? – изумился Алекс. – Он же ядовитый?

– Бред! – отрезал сержант. – При стрельбе на стволе пушки ничего не остается. Ну а эта модель и вовсе заряжена холостыми патронами. Запомните: паралитический яд содержит только капсула патрона, он действует только при попадании в кровь. Когда вы производите выстрел и патрон достигает цели, игла наконечника протыкает слои одежды до контакта с телом противника. Капсула продолжает движение и сминается, содержимое поступает через иглу в ткани тела противника, и наступает мгновенная остановка...

– Не надо... – жалобно пискнула Алиса.

– Что – не надо? – Сержант мгновенно развернулся и навис над ней. – Что не надо?! – повторил он с яростью.

Алиса шмыгнула носом.

– Ведь это же люди... – тихо произнесла она.

– Люди? – протянул сержант Александр, покачиваясь на каблуках. – А мы кто? Не люди?

Алиса молчала, опустив голову.

– Подними голову, Алиса! – сквозь зубы потребовал сержант, и глаза его превратились в две узкие щелки. – Подними голову и посмотри на своего одноклассника Марка! Марк, выйди вперед! Посмотри на шрам у него на щеке! Это были люди, которые пустили под откос поезд, где ехал Марк, когда был еще младенцем? Люди это были, да? А Деннис, который в прошлом году потерял брата, а сам остался без руки и больше не ходит на уроки обороны, потому что не может управлять танкеткой? Это люди взорвали его дом? – Сержант Александр вдруг резко вскинул руку, схватил меня за плечо и выпихнул в центр круга: – А может, ты хочешь сказать это своему однокласснику Артуру, который месяц назад похоронил мать и остался сиротой? Ну так скажи ему при всех, что бомбу в торговом центре заложили люди! Скажи ему это! Вот он стоит перед тобой!

Я закусил губу и изо всех сил уставился в пол, чтобы не встретиться глазами с Алисой, а потом искоса взглянул на сержанта Александра.

– А может быть... – Сержант перешел на зловещный шепот, и лицо его пошло красными пятнами. – Может, ты хочешь сказать мне, что мою жену и годовалых двойняшек забили арматурой люди? – Скажи мне! Ну! Скажи громко: сержант Александр, это сделали люди! Скажи!!!

Алиса разрыдалась, закрыв лицо руками.

Сержант резко отпустил мое плечо, и только в этот момент я почувствовал боль, которая разрывала плечо все это время. А потом, уже дома, нашел огромные синяки: пальцы у сержанта оказались железными.

– Всем сесть по местам, – устало скомандовал сержант Александр. – И запомните: наш враг – это не люди. Люди в любой стране – это те, что зарегистрировались и пристегнули на руку ИД. А наш враг – убийцы и пособники убийц, которые отказываются это сделать, потому что ИД помешает им убивать нас. Ясно?

Он рывком распахнул ящик стола и вытащил планшетку:

– А сейчас мы будем смотреть, как ходит танкетка в реальной жизни. Я снимаю ее со стола...

Сержант коснулся пальцами планшетки, и машина на столе вдруг ожила. Она заурчала тихо-тихо, почти неслышно, поводила пушкой из стороны в сторону, а затем вдруг рванулась

вперед и остановилась у края стола. Двигалась она тоже почти бесшумно. Сержант Александр кратко пробарабанил по планшетке, и на машине ожили манипуляторы. Они поднялись вверх, и это выглядело неуклюже – словно две крабы клешни поставили на игрушечный танк.

Клешни вцепились в столешницу, машинка рванулась вперед, кувыркнулась и вдруг повисла под столом, раскачиваясь, как обезьянка на турнике. Я и раньше понимал, что сержант Александр великий мастер, но только теперь понял, насколько его уровень отличается от нашего: так кувыркать танкетку никто из нас не умел.

Как только я это подумал, клешни разжались, и танкетка упала на пол неудачно – пузом вверх. Но в следующую секунду она оперлась манипулятором и перевернулась. И я понял, что даже это сержант сделал нарочно – чтобы показать нам переворот.

Танкетка крутанулась на месте и бросилась вперед. На миг мне показалось, что она несется прямо ко мне, и стало страшно. Но она пронеслась мимо, с размаху толкнула дверь манипуляторами и остановилась на пороге.

– Встать, разбиться по парам, и за мной во двор! – скомандовал сержант Александр.

* * *

Я и представить себе не мог, насколько скучной окажется служба в патруле! Гонки, стрельба по врагам, прятки под камнями, поиск мин и перебежки под бандитскими пулями – всего этого, что так захватывало на тренажере, в реальности не существовало.

Даже первый день – день выброса – оказался совсем не таким, как я думал. Выбрасывали нас, конечно, ночью. Я слышал гул моторов, глухой лязг кронштейнов и свист ветра. Потом передо мной в черноте замелькали пятна, но настолько неяркие, что мельтешили по экрану квадратиками. Компас в уголке дисплея показывал вращение, но по изображению было не понять, что происходит и куда я лечу. Камеры танкетки не могут смотреть вниз, я знал, что вокруг должно быть небо. В какой-то момент по экрану величественно прополз полумесяц. Он был маленький и совершенно неправильный, опрокинутый на спину, – плыл передо мной как стоящая на тарелке арбузная корка. Я даже подумал, что у меня запуталась стропа и я падаю боком. Попытался двигать манипуляторами, но они еще не работали. Желтая арбузная корка проплыла вокруг меня шесть раз, с каждым разом все медленней, затем в наушниках послышался глухой удар и скрежет, а изображение стало совсем черным: камеры накрыл купол парашюта.

Я сделал все четко и по инструкции, словно за мной кто-то наблюдал: быстро отстегнул парашют, следя, чтоб он не намотался на гусеницы. Выполз из-под него, огляделся – камеры уже привыкли к темноте: передо мной замаячили валуны, за ними в темноте проступали неясные очертания гор, а над ними я увидел небо. В нем висел полумесяц все той же арбузной коркой, подняв рожки вверх.

Я покатался взад-вперед, проверил по инструкции все узлы, а затем попытался вырыть ямку, чтобы закопать парашют. Ямки здесь не рылись. Тогда я просто немного разгреб камушки, скомкал парашют, закидал камнями, а затем двинулся в путь и до рассвета полз вперед как можно дальше – так нас учили на тактике. Ползти в темноте приходилось почти на ощупь, переваливая через мелкие камни и объезжая крупные. Наконец я, как мог, выбрал укромное место для стоянки и отключился.

А дальше начались дневные дежурства. Бортовой термометр показывал сорок градусов, вокруг тянулись горные склоны, над которыми поднималось небо, затянутое сплошным белым пятном засветки. Первым делом я попытался забраться на склон, но гусеницы елозили по каменной крошке, а пучки выжженной травы выskalзывали из манипуляторов. Мы сдавали на тренажере и переход рек по дну, и подъем на горные кручи, но на тренажере это было интересно, а здесь – нет. Я скатывался вниз, хватаясь манипуляторами за выступы, искал другой

путь и снова полз. Склон поддавался, но на это уходило огромное количество времени. Закончив патрульный день, я спрятался в каменную щель, растопырился клешнями, как учили, и распустил солнечные батареи. По стояночной маскировке у меня лучшие баллы в классе, жаль, что здесь это оценить было некому.

К концу второго дня мне удалось вскарабкаться почти на полсклона, и я смог осмотреть с высоты тот мир, который мне достался. Это было ущелье, покрытое седыми каменными глыбами и поросшее жестким сухостоем. По дну извивался ручей. Никаких танкеток вокруг не было: нас предупреждали, что шанс встретиться минимальный, и смысл патрулирования именно в этом. Вверх карабкаться расхотелось, и я начал спускаться. А когда спустился, двинулся вдоль ручья и больше не делал попыток подняться.

Я жил в коттедже у маминой сестры тети Дианы в комнатке на втором этаже. Раньше здесь обитала моя двоюродная сестра Марго, пока не поехала учиться в колледж. Стены были покрашены в позорный девчачий цвет, на полочках стояли плюшевые игрушки и свисали бисерные нитки, цепочки и прочие висюльки. Хуже всего смотрелся здоровенный плакат «Вайт Анжелс» над кроватью. В какой бы угол комнаты я ни уходил, размалеванный певец с черными кругами вокруг глаз, в клепаной куртке и в белых перьях на голове все равно указывал пальцем прямо в меня и смотрел прямо мне в глаза. Хорошо хоть его гитарист был занят собой и копался в своей гитаре на пузе, свесив голову на грудь, а барабанщик и вовсе глядел вверх, задрав голову и открыв рот. Я спросил тетю Диану, можно ли снять плакат, и она разрешила. Зато приставка у Марго была лучше моей – со стереоочками вместо дисплея. Я всегда ей завидовал, еще пока был совсем маленьким, и Марго сажала меня смотреть мультики, когда мы с мамой приезжали в гости. Ничего удобнее очков Марго в мире до сих пор не появилось, а вот джойстик я оставил свой: у Марго была старая модель, да еще он весь болтался. Как она патрулировала на нем свою танкетку – загадка.

Каждый день тетя Диана забирала меня из школы, мы ехали обедать в пиццерию на заправке, потом приезжали домой, я поднимался в свою комнату и честно проводил четыре часа в очках за приставкой. Затем тетя Диана начинала звонить мне на ИД, чтобы я спускался к ужину. Я парковал танкетку, мы ужинали с тетей Дианой и дядей Олегом, а потом я снова поднимался к себе – делал уроки или смотрел мультсериалы. Алиса теперь звонила каждый день и звала кататься на роликах, но на улицу меня одного не выпускали. Да и кататься на роликах с девчонкой... мало ли, что о тебе подумают?

Никто не мешал мне снова сесть за танкетку, но почему-то не хотелось, да и темнело там рано и всегда внезапно. Нам, конечно, не сообщили, что это за страна, но место, куда я попал, казалось чужой необитаемой планетой.

На третий день я встретил черную ящерицу – она пробежала так близко перед корпусом, что камеры даже не успели толком сфокусироваться. Я, конечно, выбросил манипулятор, но поймать ее не удалось. С тех пор, вот уже вторую неделю, не было даже ящериц. Я шел вдоль ручья, а он все не кончался.

Врагов тут не было, и делать оказалось совершенно нечего. И об этом нас никто не предупреждал – ни на занятиях, ни в день присяги, когда нас повезли на плац, вызывали по одному целовать знамя, и большой пузатый командир в белом кителе жал каждому руку и повязывал на грудь алую ленту юниора.

У всех одноклассников, кроме Алекса, были вокруг те же камни и та же самая скука. А вот у Алекса сразу начались приключения. Сперва его постигла катастрофа: в первую же ночь его нашли и забили камнями, и еще целых два дня он боялся об этом рассказать сержантам. Я не думаю, что он плохо спрятался или неправильно закопал парашют: Алекс был круглым отличником. Наверно, ему просто не повезло, кто-то из бандитов заметил, как он сажился. Но конечно, для отличника погибнуть в первый же день – это настоящий позор. Алекс рыдал на весь класс, нам было и жалко его, и стыдно за него одновременно. Потом он съездил с роди-

телями в районный штаб, написал заявление об утрате, и через пару дней ему выдали новую танкетку, зеленую – где-то в другом районе, на пастбище. Там где-то жили пастухи: Алекс постоянно встречал их следы, мусор и остатки костров. Он был уверен, что пастухи не носят ИД, но подкараулить их не удавалось – видно, хорошо прятались. Зато Алекс похвастался нам шепотом, что мстит врагам, отстреливая каждый день по одной вражеской овце. Я спросил, не боится ли он, что подключится посмотреть сержант Александр или сержант Антон. Но Алекс ответил, что овцы не носят ИД, поэтому их можно. Мы с Марком не придумали, что на это возразить. Алекс всегда умел поставить в тупик. По крайней мере, было ясно, что он занят делом и ему интересно. Мы завидовали.

У Марка тянулся тот же унылый пейзаж: равнина и камни, даже без ручья. Ручей был у Алисы, она тоже все время шла вдоль него. Зато Марку однажды попалась вышка сотовой связи. Он даже в нее выстрелил парой иголок. И очень этим гордился, словно убил врага.

К концу первой недели Марк признался, что патрулирует теперь не каждый день, а только когда хочется. У Марка старший брат – легчик-курсант, который летает на настоящих боевых самолетах. Он сказал Марку, что нас, малышей, вообще никто не контролирует, и где мы там ползаем на своих танкетках, никому не интересно. Тогда я тоже стал водить танкетку через день.

* * *

Мне оставался еще час патрулирования, когда вдруг показалось, что шум ручья усилился. Я сразу замер и начал прислушиваться. Но ручей журчал как обычно. Вокруг стрекотали кузнечики, что-то мелодично звенело, и над самым микрофоном пролетела муха как грузовой самолет. Я уже собрался двинуться дальше, как звук повторился – что-то плескалось в ручье. Аккуратно пробираясь между камнями, стараясь не шуметь, я приблизился.

Плеск продолжался – словно какое-то небольшое животное купалось в воде. А потом я вдруг услышал песню. Тоненький и звонкий девчачий голосок выводил протяжную мелодию – настолько протяжную, что сразу и не понять, есть там какие-то слова или это просто голос. Я слушал и слушал, а песня все не кончалась. Я подобрался еще ближе. Да, в этой песне были и слова – на гортанном арабском. С арабским у меня было неважно, я только понял, что каждая строчка припева начиналась с «салиам» – мир. Песня завораживала – так красиво петь не умел никто в нашем классе. Я повысил громкость, прислонил ИД к наушнику и выбрал в меню «распознавание мелодии». Я был уверен, что он ничего не определит. Но ИД долго вслушивался, затем удовлетворенно пискнул, и на экранчике появилось: «Морроканская Душа». Я подъехал еще ближе и высунулся из-за камня.

У воды на другой стороне ручья сидела девочка. Моя ровесница, может быть, на год младше. Немного смуглая, но совсем чуть-чуть – темнокожей не назвать. На ней было красное платье, длинное и слегка выцветшее, оно напоминало халат с капюшоном. Девочка сидела на камне, спустив босые ноги в воду. Справа и слева от нее стояли два зеленых тазика, наполненных бельем. Девочка брала тряпки из правого тазика, нагибалась и подолгу полоскала их в ручье, поднимала и выкручивала. А затем укладывала в левый тазик. И при этом пела свою бесконечную песню.

Мне очень не хотелось этого делать, но я все-таки дал максимальное увеличение и стал ждать, пока она в очередной раз поднимет из воды руки в серебряных брызгах... Ни на одной руке у нее не было ИД. В карманах ИД не носят, но вдруг? Я вздохнул и запустил сканер. Сканер думал долго – несколько секунд. И уже было все понятно.

Я снова дал максимальное приближение и перевел камеры на ее лицо. Наверно, она это почувствовала, потому что вдруг замерла и уставилась прямо на меня. У нее были тонкие

брови, широкий носик и ослепительно-зеленые глазищи. Я выехал из-за камней и подъехал к ручью. Нас теперь разделяло всего два-три метра. Девочка сидела неподвижно.

– Вакеф, в-ал’ана батуха’, – старательно выговорил я в микрофон, включив динамик танкетки.

Девочка молча смотрела на меня, словно оцепенела. Я прямо чувствовал, как сейчас стучит ее сердце.

– Ты хочешь меня убить? – вдруг произнесла она на чистом английском.

– Н-нет... – выдавил я потрясенно, тоже на английском.

– Я просто стираю здесь белье, – сказала девочка.

– Я вижу...

Мы помолчали.

– Ты очень красиво поешь. Ты сама или тебя кто-то научил?

– Я училась в студии.

– У вас здесь разве бывают студии? – удивился я.

– Нет. – Она покачала головой и вдруг улыбнулась: – Это было в Лондоне.

Я чувствовал, что совсем ничего не понимаю.

– Меня зовут Фарха, – сказала девочка. – А тебя как?

– Меня зовут Артур.

– Артур, – повторила девочка. – Красиво. А тебе сколько лет?

– Уже десять. А тебе?

– Мне тоже будет десять, – сказала она, – завтра.

Она нарочито медленно поднялась и вывалила белье из левого тазика обратно в правый. А затем выпрямилась и посмотрела на меня. У нее очень хорошо получалось скрывать испуг.

– Артур, можно я уйду? – спросила она тихо.

– Подожди! – закричал я. – Не уходи.

Девочка послушно села. Наступила тишина, и снова стало слышно, как трещат кузнечики. Затем вдруг ожил ИД на запястье, громко прозвенел и сообщил бесцветным голосом: «тетя Диана». Снова прозвенел, и опять: «тетя Диана». Я долго ждал, пока он успокоится, а он все не успокаивался.

– Тебе звонит тетя Диана, – сообщила девочка.

– Фарха, – позвал я. – Скажи, где твой ИД?

Она молча помотала головой.

– Ну, может, ты его оставила дома? – спросил я с надеждой. – Там, у себя, в Лондоне?

Она усмехнулась, снова помотала головой и вдруг посмотрела на меня с вызовом, сверкнув зелеными глазами.

– У меня нет ИД, потому что я верю в Аллаха!

– Подумаешь, – фыркнул я, – вот я тоже в Иисуса верю, но ИД ношу. Все носят ИД. Те, кто верят в Аллаха, тоже носят.

– А я не ношу.

– Почему?

– Потому что это противно воле Аллаха.

– Это тебе сам Аллах сказал? – усмехнулся я.

Она не ответила, только гневно сверкнула глазами.

– Дурочка ты какая-то, – пробурчал я. – Не носят ИД только бандиты.

– Ну, значит, я бандит.

– Значит, ты убила мою маму.

Девочка вздрогнула, и в глазах ее появился испуг – но уже совсем другой испуг. Я ждал, что она ответит. Она долго молчала.

– Зато вы убили моего отца и старших братьев, – произнесла Фарха.

Отчаянно застрекотали кузнечики.

– Это не я, – сказал я тихо.

– Я знаю, – ответила она, – ты, наверно, тогда был совсем маленьким.

– Послушай, Фарха! – крикнул я с отчаянием. – Да неужели ты не можешь зарегистрироваться и просто надеть себе на руку этот проклятый ИД?!

– Не могу, потому что он проклятый!

– Да хороший он! – закричал я. – И полезный!

– Чем полезный?

– Я бы тебе мог на него позвонить...

– Зачем? – удивилась Фарха.

– Ну, просто так... – Я смутился.

Мы снова помолчали.

– Я не хочу носить на руке смерть, – сказала Фарха.

– Смерть? – удивился я.

– А то ты не знаешь, что у него внутри иголка!

– Бред какой! – возмутился я. – Нет там никакой иголки!

– Ты его разбирал, что ли? – усмехнулась Фарха.

– Его запрещено разбирать. Его и с руки-то снять нельзя!

– Вот потому и запрещено.

Я фыркнул – говорить с ней было совершенно невозможно.

– Дурочка ты. Зачем там иголка?

– А затем, чтобы тебя со спутника убить, если нужно.

– Да кому нужно тебя убивать?

– Вот тебе, например...

Я обиделся и замолчал.

– Артур! – позвала она.

– Чего тебе?

– Твои тебя сильно накажут, если ты меня отпустишь?

– Да никто и не узнает...

– Ну а чего ты тогда?..

Я молча кусал губу.

– Я не убивала твою маму, – напомнила Фарха. – Честно-честно! И никто из моей семьи не убивал. Мы уехали сюда из Лондона, чтобы хранить веру и не носить ИД. Я не знаю, кто убил твою маму. Я не хочу никого убивать, правда.

– Врешь ты, – сказал я, шмыгнув носом. – Вы всех хотите убить, кто не верит в Аллаха, потому что мы для вас – неверные.

– Вы первые начали! – крикнула она. – Вам только нефть нужна и разврат!

– Разврат – это что такое? – удивился я.

– Ну... Это когда тетки в телевизоре пляшут голые.

– Фи! – Я рассмеялся. – Вам с Аллахом жалко, что ли? Какое ваше дело? Переключи на футбол или мультики. Убивать-то зачем?

– Это же ты меня приехал убивать, – напомнила Фарха.

– Проклятье! – взорвался я. – Ну а что нам с вами еще делать-то? Сидеть и ждать, пока вы нас всех перебьете, как вам приказала ваша гнусная религия?

Фарха вскочила:

– Не смей так говорить! Ты ничего не знаешь про ислам!

– Что вижу, то и говорю! – заорал я. – А ты думала, очередную бомбу взорвала – и эта бомба нам что-то хорошее про ваш ислам расскажет?

– Я не взрывала ничего!

– Ты или не ты – какая разница? Ваши! Спасибо вам, рекламщики ислама! Гнусная у вас религия! Гнусная-гнусная-гнусная!

– А у вас не гнусная? – возмутилась Фарха.

– У нас не гнусная, – объяснил я. – Потому что Иисус не велел никого убивать. Он прощал своих врагов и сам на крест пошел. А людей учил любить и прощать!

– Так что ж вы не прощаете? – прищурилась Фарха.

Я даже захлебнулся от такой наглости.

– Да ты совсем обалдела? Вы нас будете убивать, а мы вас прощать?!

– Но вам же ваш Иисус велел? – возразила Фарха с усмешкой. – Это ж не я придумала. Если вы в него так верите, почему не слушаетесь? Значит, не верите в своего бога. А мы в своего – верим. А кому вы такие нужны? Аллаху вы не нужны, раз вы даже своего бога не слушаетесь.

От возмущения я снова потерял дар речи.

– Да вы хорошо устроились, я гляжу! Ваш Аллах велит всех нас убить...

– Неправда, – строго перебила Фарха.

– Правда! Нам на обороне рассказывали! У вас в Коране написано: «Убивайте всех неверных, где встретите!»

Фарха топнула ногой:

– Нет такого в Коране! Там не так написано! Там написано: «Сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, если они будут сражаться с вами, то убивайте их: таково воздаяние неверным». Вот вы и перестаньте сражаться!

– А почему это мы первые?! Не мы начали!

– Потому что ваш Иисус так говорит!

– Да с вами нельзя перестать сражаться! – закричал я. – Вы только обрадуетесь и всех перебьете! Вы же террористы, убийцы! Знаешь, что нам сержант Антон все время говорит на истории обороны? Что за всю историю человечества были три секты террористов-убийц! Были ассасины, которые всех резали на Востоке, были туги в Индии, которые всех душили, и еще были боксеры в Китае, которые всех били до смерти! И всех их в итоге победили, но только потому, что просто взяли и поубивали! Они так всех достали, что их просто пошли и убили! Всех подряд, каждого! Всю секту! Поняла? А иначе они бы до сих пор били, душили и резали! И гордились! Вот и с вами будет то же самое! Вы – четвертые! Понятно тебе?

Фарха с вызовом смотрела прямо на меня и молчала.

Я тоже молчал.

– Ну и стреляй тогда! – сказала она. – Чего не стреляешь?

– Иисус не велит, – буркнул я.

– Тогда отпусти.

– А я тебя и не держу, – возмутился я. – Иди себе, мне не жалко! Только если ты думаешь, что ваши после этого прекратят людей убивать, то они не прекратят! Я тебя сто раз могу отпустить, а они все равно не прекратят!

– Я не убиваю людей, – вздохнула Фарха, собирая свои тазики, – сколько раз тебе повторять... А ты мне в спину не выстрелишь?

– Не выстрелю...

– Ну... тогда я пошла?

Она надела сандалии, закрыла один тазик другим, взяла под мышку, развернулась и медленно поплыла над каменной пустошью.

– Фарха! – окликнул я.

Она замерла и обернулась.

– Фарха, ты обиделась?

– Немножко, – ответила она, подумав. Подняла свободную руку и показала пальцами: – Вот столечко.

– А ты совсем уходишь или когда-нибудь придешь?

Фарха долго молчала.

– Когда-нибудь приду, – сказала она наконец.

– Приходи завтра? – предложил я.

* * *

На уроке обороны сержант Антон читал нам тактику, но я не слушал его, а думал о своем. Сначала я думал о маме – до сих пор не получалось поверить, что ее больше нет. А наверно, уже надо поверить. Мне казалось, что это какая-то шутка, или кино, или она просто уехала отдыхать и скоро вернется, мы переедем опять в наш дом, и все снова станет как прежде. Но в нашем доме уже давно жили чужие люди. Потом я немножко думал про Алису. И про Иисуса. А потом про Фарху.

– Артур! – послышался раздраженный голос сержанта Антона. – Встань и повтори, что я сейчас сказал?

Я встал и молча уставился в пол.

– Почему ты смотришь в окно, а не на доску? – допытывался сержант.

Он вроде с виду совсем не военный мужик, наш сержант Антон, говорят, был учителем истории раньше. Но иногда гораздо строже, чем Александр. А иногда, наоборот, мягче. Не поймешь его.

– Простите, товарищ сержант, я задумался, – буркнул я.

– Он задумался! – фыркнул сержант Антон. – Расскажи всему классу, о чем ты задумался! Подумаем вместе!

Я вспомнил, как дерзко Фарха вскидывала голову, и тоже поднял на него взгляд.

– Сержант Антон, а правду говорят, что у каждого ИД внутри иголка, чтобы убить человека со спутника?

Я, конечно, ожидал, что он растеряется, но чтобы настолько... Сержант Антон дернулся и отшатнулся, словно его ударили током. «Сейчас выгонит из класса», – мелькнуло у меня в голове.

– Бред какой! – возмутился он. – Кто это говорит?

Я опустил взгляд.

– Кто тебе это сказал? – допытывался сержант Антон.

– В интернете прочел, – буркнул я.

– Принесешь мне ссылку, где ты это прочел.

Я снова поднял на него взгляд.

– Но это правда, сержант Антон?

Он прошел через весь класс и встал надо мной.

– Я слышал такие слухи, – произнес он.

– Но это правда?! – крикнул я. – Это правда или нет?! Вы можете ответить честно, сержант Антон?!

Класс затаил дыхание. Сержант Антон вздохнул.

– Я могу тебе ответить честно, Артур, – произнес сержант тихо, серьезно и даже немного печально. – Но боюсь, тебя мой ответ не устроит.

– А вы скажите правду! – попросил я.

– Хорошо, – кивнул сержант Антон, – скажу: я не знаю.

– Как это? – удивился я. – И сержант Александр тоже не знает?

– Никто не знает. А теперь спроси меня, что я на этот счет думаю.

Я посмотрел ему в глаза.

– Что вы на это счет думаете, сержант Антон?

– Я думаю, Артур, что даже если бы это было так, то это правильно. Потому что всех бандитов надо выслеживать и уничтожать. И когда на планете не останется ни одного человека без ИД, тогда теракты прекратятся.

– Почему они прекратятся? – спросил я. – Разве у нас в городе бомбы закладывают люди без ИД? У нас же всюду турникеты со сканерами.

– Потому, – объяснил сержант, – что по ИД можно точно выследить, кто где был, кто куда ездил, кто с кем встречался и где стоял. И наказать его.

– А если он сам взорвался?

– Тогда наказать его друзей и родственников.

Я открыл рот и снова закрыл.

– Что, наказать невиновных? Разве так можно?

Сержант Антон печально усмехнулся:

– Так устроена жизнь, Артур. Она почему-то всегда наказывает невиновных. Невиновные всегда искупают чужие грехи, как это делал Иисус.

– Но так же нельзя!

– А как можно? – спросил он. – Как, Артур? Предложи! Как нам остановить террористов? Уговаривать их? Прощать? Терпеть? Обращать в христианство? А может, всем нам принять ислам, раз уж они так просят? Так они не прекратят, Артур! Они между собой дерутся еще злее, чем с нами. У тебя есть другие предложения? Другой способ? Предложи! Расскажи всему классу, расскажи правительству, расскажи всему миру! Мы все тебя слушаем!

– Я не знаю, сержант Антон...

– Никто не знает, – повторил сержант Антон. – Никто не знает.

Класс молчал.

– Садись, Артур, – сказал он мне и зашагал вдоль парт. – За всю историю человечеству трижды пришлось бороться с мощными сектами террористов. И всякий раз оказывалось, что победить их можно лишь поголовным уничтожением. В одиннадцатом веке убийцы из секты исмаилитов-ассасинов Хасана ибн Саббаха держали в страхе всю Персию, Сирию, Ливан и соседние страны...

* * *

На переменке Алиса поманила меня пальцем и отозвала в сторону.

– Артурчик, – сказала она, – а давай сегодня прогуляем патруль? Все прогуливают, я узнавала.

– Зачем? – удивился я.

– Так мы пойдем в парке погуляем! – Алиса заговорщицки подмигнула. – Поедим мороженого!

Я поморщился и оглянулся – вроде на нас никто не смотрел.

– Мне в парк нельзя, – объяснил я. – Тетя Диана не пускает.

– А мы ей скажем, что ты пошел ко мне делать уроки.

Я помотал головой и буркнул:

– Что ж, я ей врать буду?

– А ты типа никогда не врешь! – задрала нос Алиса.

– Типа не вру, – обиделся я.

– Тогда пошли ко мне делать уроки.

– Не, – я помотал головой, – мне в патруль надо.

– Ну не хочешь, как хочешь, – вскинулась Алиса, отвернулась и шмыгнула носом. – Иди в свой патруль, если он тебе важнее! Первый раз в жизни тебя как человека попросила! А он один раз прогулять не может! Сержанта боится! Ай-я-яй, маленький мальчик!

– Да не боюсь я никакого сержанта! – обиделся я. – Вот пойду и мультики смотреть буду! А идти никуда не могу: тетя Диана так за меня боится...

– Пусть она отвезет тебя ко мне делать уроки! Хочешь, я ее попрошу? – Алиса заглянула мне в глаза.

– Нет, – сказал я. – Не хочу.

– Все с тобой ясно, – выдавила Алиса сквозь слезы. – А я-то думала, ты мне друг. Иди смотри свои дебильные мультики со своей дебильной тетей!

Она развернулась и пошла прочь.

* * *

Никаких цветов здесь не росло, а вот колоски, если присмотреться, оказались разных видов. Рвать их манипуляторами было сложно – выскальзывали. Но я приноровился: хватал клешнями за стебелек – одна клешня повыше, другая пониже – и мочалил соломинку туда-сюда, пока она не разрывалась. Я понимал, что, скорее всего, Фарха не придет, но пусть найдет букет на берегу. Он получился уже довольно толстым – такой желтый веник из сухостоя. По крайней мере, сразу видно, что это букет.

Фарха пришла.

Она появилась из-за груды камней со своими тазиками и направилась к ручью. А увидев меня, помахала рукой и даже чуть пробежала вприпрыжку.

– Салям! – крикнул я, подняв свой букет обоими манипуляторами как можно выше. – С днем рождения!

– Хай! – крикнула Фарха. – Это мне?

– Ага! – ответил я гордо. – Это тебе букет! Цветов у вас тут не растет, но я собрал, что было.

– Спасибо! – удивилась Фарха. – Классный букетик! Мне еще никто не дарил цветов. Ты первый... танк! – Она захихикала.

Я покружил по берегу.

– Как тебе его передать? – спросил я. – Ты ручей перейдешь или мне перейти? Эта штука умеет ходить и под водой, и через огонь. Но букет намокнет.

– Я к тебе боюсь, – кокетливо сказала Фарха. – Вдруг ты стрелять будешь?

– Ни за что не буду, – пообещал я.

– Тогда отвернись.

– Зачем? – удивился я.

– Я приподниму платье, чтоб не замочить, и перейду на твой берег.

– Хорошо! – Я резво провел джойстиком, разворачивая корпус.

Послышался плеск. Я рассеянно смотрел вперед и думал о том, как Фарха сейчас переходит ручеек. Потом она похлопала ладошкой по корпусу:

– Эй, в танке!

Я развернулся. Она села рядом и взяла пучок колосков.

– Слушай, а не боишься, что твои тебя накажут? – прищурилась она.

– Да что они мне сделают! – фыркнул я.

Фарха вздохнула.

– Везет тебе, – сказала она. – А меня дядя зарежет, если узнает...

– Как зарежет? – насторожился я. – О чем узнает?

– Ну... – Она замялась. – Что с тобой встречаюсь. Я ведь должна была им рассказать...

– Что рассказать?

– А то ты не знаешь... – Она посмотрела в мои камеры чистыми зелеными глазами. – Рассказать, что у ручья танкетку видела. Чтобы они дождались, пока ты на стоянку встанешь, и камнями забили...

Я молчал.

– Не обижайся! – попросила Фарха и погладила танкетку по корпусу. – Ведь я про тебя не рассказала.

– Вот уж спасибо... – пробормотал я. – Ну, расскажи им, если хочешь...

– Не хочу. – Она помотала головой. – Расскажи лучше о себе.

Я растерялся.

– А что рассказывать?

– Ну, как ты выглядишь? Где живешь? Бывал ли в Лондоне?

– Не, в Лондоне не был. А как выгляжу... У тебя здесь интернета нет, чтобы фотку прислать?

Она показала пальцами:

– Вот столечко – у мамы. Но прислать фотку все равно нельзя – если кто-то из дядиной семьи найдет, я даже не знаю, что будет...

Я поморщился.

– Какой вредный у тебя дядя.

– Он не вредный, – возразила Фарха, – просто очень строгий. Понимаешь, он пастух. И отец его был пастух. И в Лондоне не жил никогда... Когда убили отца и братьев, мы с мамой переехали к нему. Он строгий, но я люблю его, – добавила она. – К тому же у него неприятности сейчас. Танкетки стали ходить в округе, и он боится выходить на пастбище – только по ночам, когда танкетки спят. А тут еще какая-то танкетка повадилась овец убивать...

– Это не я! – сказал я быстро.

– Да я знаю, – отмахнулась Фарха. – Это же за перевалом, на пастбищах. А ваших тут вообще много?

– Не. Я еще никого здесь не встретил. Ну, кроме тебя.

Мы помолчали.

– Знаешь, – сказала Фарха, – а вот я, наверно, смогу тебе прислать открытку, когда буду в поселке. Только бумажную, как в старину.

– Круто! – обрадовался я. – У тебя есть чем записать адрес?

Фарха кивнула, полезла за пазуху и достала небольшой кожаный кошелек, висевший на шее на шнурке. Оттуда появился маленький блокнот и карандаш. Замелькали странички...

– Ух ты! – удивился я. – Ты еще и рисуешь?

– Немножко... – смутилась Фарха.

– Покажи! – попросил я.

Она полистала блокнот перед объективами камер. Рисунки были совсем беглые, но уверенные и очень живые: горы, овцы, хижинки, деревья, белье на растянутых веревках.

– Это дом, где мы живем, – объяснила она, а затем открыла чистый листок.

– Пиши, – скомандовал я. – Один-семь-два... – Я тщательно продиктовал индекс. – Новый Шахтур, седьмой район, Вторая Парковая, дом шестьдесят два, Артур Галик.

– Я через неделю в поселке буду и зайду на почту, – пообещала Фарха, убирая блокнот в кошелек и пряча его за пазуху. – А жаль, что ты мне не сможешь прислать фотографию.

Мне вдруг пришла в голову идея.

– Слушай, а если ты скажешь дяде, что я тоже верую в Аллаха?

Фарха засмеялась:

– Дурачок ты. Пойди расскажи моему дяде, что ты веруешь в Аллаха и при этом фотографируешься.

- А что, вам Аллах еще и фотографироваться запрещает?! – изумился я.
Фарха пожала плечами.
- Кому как. Дядя считает, что запрещает. – Она вдруг внимательно посмотрела на меня. – Слушай, а ты правда, что ли, веруешь в Аллаха?
- Нет, но...
- Но ты хотел бы поверить? Это просто! Достаточно трижды произнести...
- Нет, Фарха, спасибо. Я в Иисуса верю.
Фарха огорчилась и поджала губы.
- Но это же выдумки. Был только пророк Иса. А бога Иисуса – нету такого.
- Почему это нету? – обиделся я.
- Потому что нет бога, кроме Аллаха, – объяснила Фарха.
Я засмеялся.
- Это он тебе сам сказал?
- Это в Коране написано.
- А Библию ты читать не пробовала?
- Зачем? – удивилась Фарха. – Есть Аллах, он меня хранит, я это чувствую.
Мне стало обидно.
- Нет никакого Аллаха! Его твой дядя-пастух придумал! Ты попробуй почувствовать Иисуса, вот он тебя точно любит! Потому что он вообще всех любит! Он не злой.
- Это тебе Иисус сказал? – усмехнулась Фарха.
- Это я сам чувствую! – обиделся я. – Иисус меня хранит всю жизнь!
- Как он тебя хранит? – поинтересовалась Фарха.
- Как... – растерялся я. – Как всех. А как тебя твой Аллах хранит?
Фарха стала очень серьезной.
- Аллах меня хранит каждый день. Вот вчера, например, он меня спас от смерти.
- Это как? – удивился я.
- Ну, когда ты выполз, я обратилась к Аллаху. И ты в меня не стал стрелять.
Я надул щеки от возмущения, а затем специально всплеснул манипуляторами, чтобы она видела.
- Не, ну нормально?! – фыркнул я. – Стрелять не стал – я; велел мне не стрелять – Иисус; а молодец все равно выходит – Аллах? Чего у тебя в голове вообще творится? Тебе ведь уже целых десять лет, не девочка!
- Фарха обиделась не на шутку.
- Балда, нет никакого Иисуса! – Она вскочила и топнула ножкой. – Нет, и не было! Нет бога, кроме Аллаха!
- Тьфу, – сказал я.
- Весь день рождения испортил... – Фарха села рядом, надулась и отвернулась.
Мы помолчали.
- Ладно, – сказал я примирительно, – извини. Давай знаешь как поступим?
- Как? – насторожилась Фарха.
- Пусть тебя и дальше хранит Аллах, если вдруг он существует. А меня сохранит Иисус.
- Если он существует, – уточнила Фарха.
- Ну да, – кивнул я. – А мы с тобой будем просто дружить. А когда вырастем, поедem в Лондон, возьмем за руки и будем гулять по парку.
- Фарха просияла.
- Давай! – кивнула она.
- Я вдруг неожиданно для себя протянул манипулятор и бережно взял ее за руку. Она не отдернула ладонь. Так мы сидели, наверно, очень долго – перед нами журчал ручей, вокруг пели кузнечики. А потом Фарха вздохнула.

– Мне пора, – сказала она и погладила танкетку по корпусу.
Я этого не чувствовал, просто шелест был в наушниках от ее ладони.
– Пока! – вздохнул я. – До завтра?
– До завтра, – кивнула она, поднялась и взяла в руки букетик. – Отвернись, я пойду через ручей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.